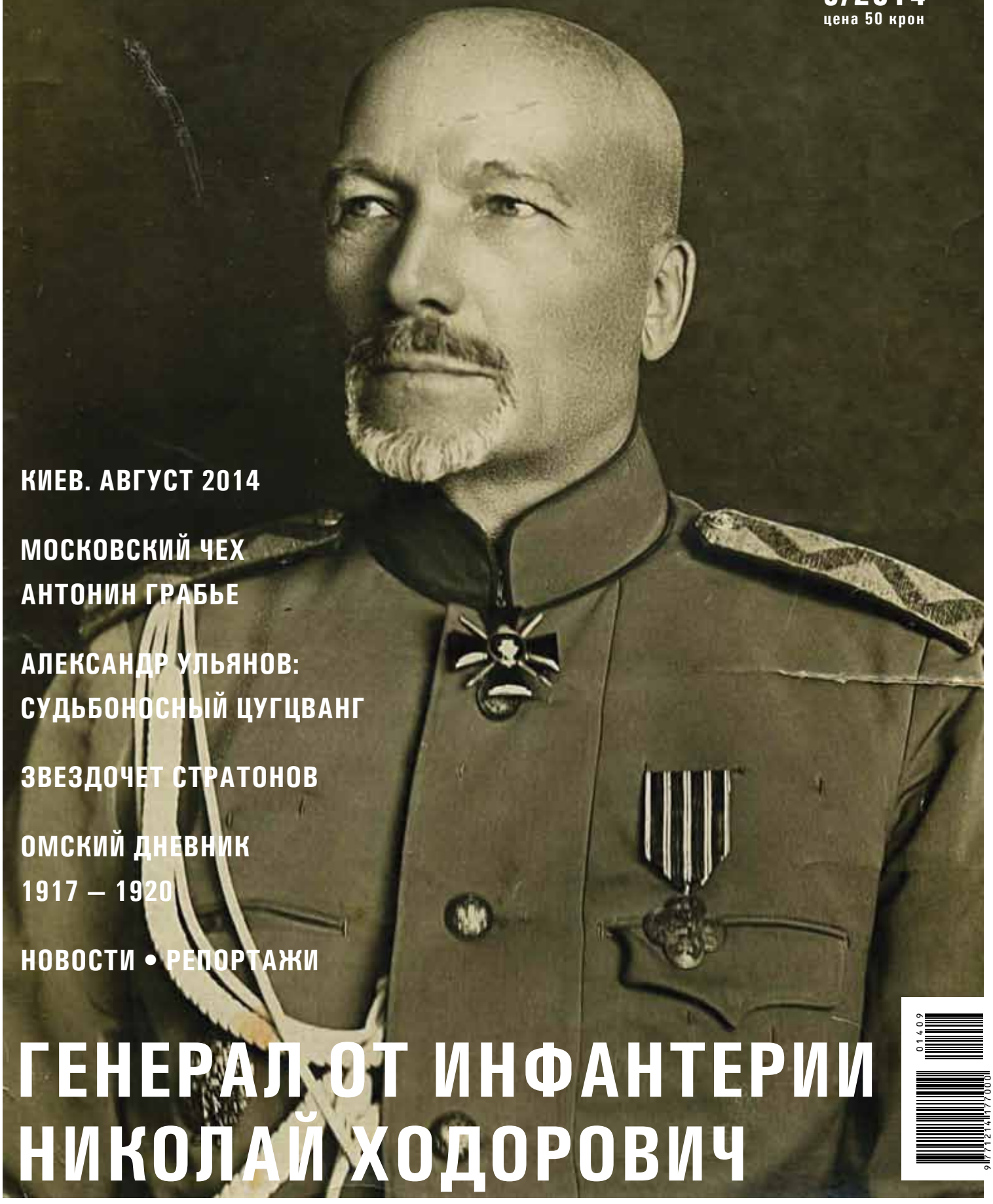
ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

РУССКОЕ СЛОВО

9/2014
цена 50 крон



КИЕВ. АВГУСТ 2014

МОСКОВСКИЙ ЧЕХ
АНТОНИН ГРАБЬЕ

АЛЕКСАНДР УЛЬЯНОВ:
СУДЬБОНОСНЫЙ ЦУГЦВАНГ

ЗВЕЗДОЧЕТ СТРАТОНОВ

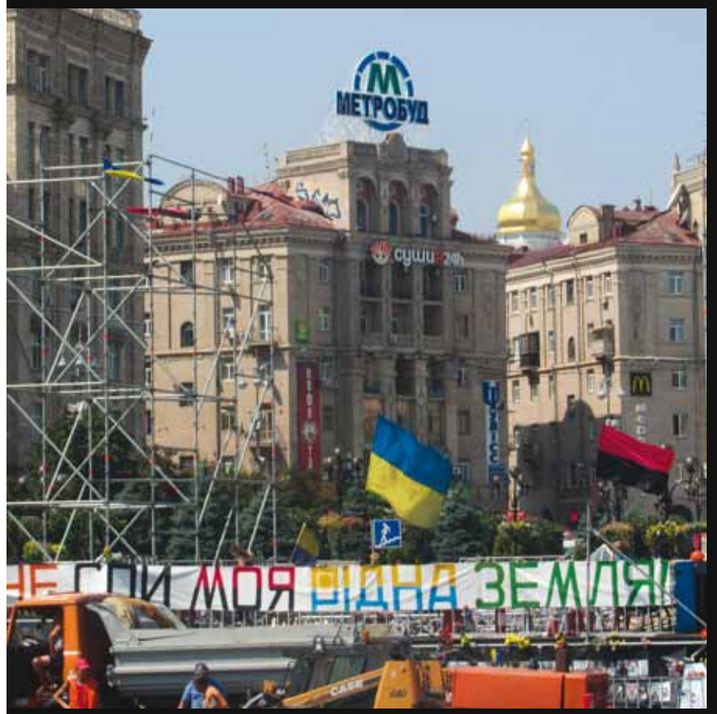
ОМСКИЙ ДНЕВНИК
1917 – 1920

НОВОСТИ • РЕПОРТАЖИ

ГЕНЕРАЛ ОТ ИНФАНТЕРИИ НИКОЛАЙ ХОДОРОВИЧ

9/2014

RT+RS servis



Киев. Трибуна на Майдане.
Август, 2014 год.
Фото: Дмитрий Петров.

4 – 7

[содержание]

3 СОБЫТИЯ
Чехословаки в ГУЛАГе
ФОТО: ЙИРЖИ ЧИГАЛ

4 ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ
Киев. Август 2014
ТЕКСТ: ТЕКСТ: ДМИТРИЙ ПЕТРОВ
ФОТО АВТОРА

8 НОВОСТИ
Между берегов Влтавы.
Срок истекает 4 октября.
Август без Горбаневской.
Площадь Пушкина (Уральская площадь) и контексты
ПОДГОТОВИЛИ: М. ДОБУШЕВА, С. МИХЛОВА, А. КОПРШИВОВА
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ

10 100 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ
Коллекционер и общественный деятель московский чех Антонин Грабье
ТЕКСТ: З. ЛУКИНОВА

13 НЕКРОЛОГ
Любовь Орлова (1925–2014)
ТЕКСТ: АНАСТАСИЯ КОПРШИВОВА

14 100 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ
Генерал от инфантерии Николай Ходорович – «крестный отец» Чешской дружины
ТЕКСТ: АЛЕКСАНДР И ДИНА МУРАТОВЫ

24 РУССКАЯ ИСТОРИЯ
Александр Ульянов: судьбоносный цугцванг. Часть 2
ТЕКСТ: ВИТАЛИЙ РАУЛ

28 ЭМИГРАЦИЯ
Звездочет Стратонов
К 145-летию со дня рождения
ТЕКСТ: ДМИТРИЙ ПЕТРОВ

36 СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ
Татьяна Николаевна Машинская. Омский дневник 1917–1920. Часть 3
ПОДГОТОВКА ТЕКСТА: ЕЛЕНА НЕДЗВЕДСК

42 ПРОГУЛКИ
Пражские водонапорные башни
ТЕКСТ: АНАСТАСИЯ КОПРШИВОВА

44 АНОНС
Фестиваль «Чешское прикосновение музыки»
ТЕКСТ: МАРИНА ДОБУШЕВА

46 РЕПОРТАЖ
Чешский рай
ТЕКСТ: ТАТЬЯНА КАЗАКОВА
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ

ВОПРОСЫ МОРАЛИ

Трудность их разрешения связана с трагическим и парадоксальным характером нравственной жизни. Даже для человека, как мы говорим, порядочного, знающего нормы добра и зла — не следует убивать, красть, развратничать — выбор в разрешении нравственных конфликтов определяется тем, что приходится жертвовать одной ценностью ради другой. Поэтому война на Украине превращается для нас в настоящую нравственную муку. Не желая убийства, мы желаем, чтобы Украина сопротивлялась. И кто-то другой берет на себя вину убийства для того, чтобы были сохранены ценности украинской революции. Кто-то жертвует близкими людьми для борьбы за социальную правду. А мы, не несущие крест убийства? Кажется, таким решением были санкции, от которых, безусловно, потеряет экономика Европы, но ведь голодать — н убивать. Поэтому отказ Чехии от санкций был для меня самой предательской новостью. В августе это совпало с постыдной датой операции «Дунай», протестом людей на Красной площади, которые выбрали между двумя ценностями — поддержку Чехословакии. А в завершение парадоксов Ярослав Горбаневский, сын правозащитницы, открывающий в эти дни выставку в Праге, принял участие в цепной голодовке в память жертв коммунистического режима. «Когда на площадь гонит стыд», как писала Наталья Горбаневская, нам остается только выходить на акции, даже если они и не имеют большого нравственного веса. ■

С уважением к нашим читателям,
редактор МАРИНА ДОБУШЕВА

ПРАГА
24 АВГУСТА

День независимости Украины 24 августа отметили в Праге. Среди активистов — общественные организации украинцев и украинского национального меньшинства. Десятки патриотов были одеты в национальные вышитые рубахи, девушки были с венками на голове. Участники акции пронесли по историческому центру Праги огромный желто-синий флаг Украины с пением «Слава Украине». Шествие началось у собора св. Клемента, продолжилось на Карловом мосту и закончилось на площади Кинских, где возложили цветы к памятнику Тарасу Шевченко и минутой молчания почтили память погибших в последние месяцы на Украине. В соборе св. Клемента прошел молебен. Вечером состоялся митинг на Вацлавской площади, от «Русской традиции» на нем выступила Евгения Чигалова. Таким образом была выражена поддержка Украине и вера в ее демократическое будущее. ■

РЕДАКЦИЯ
ФОТО: ЙИРЖИ ЧИГАЛ

ДМИТРИЙ ПЕТРОВ
ФОТО АВТОРА

КИЕВ
АВГУСТ 2014

Это не политический обзор, а путевые заметки о столице страны, переживающей крайне непростой, но многообещающий этап своей истории. Одной из постсоветских республик, сделавшей европейский выбор и встретившей на этом пути жесткий вызов. За неделю в Киеве удалось не так много. И все же, когда ты своими глазами видишь важные перемены и встречаешь людей, готовых делиться тревогой и верой, то ловишь дух и вкус событий. О них и пишу.

ГРАНИЦА

Паспортный контроль в аэропорту Борисполь. Достаю из широких штанин давно не серпастомолоткастую, а орлино-двуглавую, но все равно краснокожую паспортину. Пограничник предлагает следовать за ним. Следую. Поездки приучили слушаться чиновников. Хотя такого не было с тех пор, как в Тель-Авиве я зашел в туалет, оставив тележку с сумкой снаружи. Знал, что не надо. Но в дверь она не входила… Впрочем, ясно: там была интифада, здесь — бои с сепаратистами. И среди них есть люди из России. Так что особое внимание к рейсу из Москвы не удивляет.

Провожатый входит в официальную дверь. Жду. Рядом тройка темноликих гостей, группа китайских студентов, дамы в хиджабах и десяток мужчин из РФ. Рослые молодые люди в зеленых беретах вносят и выносят документы. Вид у них бравый. Студенты галдят — у них приключение. Дамы в хиджабах молчат. Возможно, с ними такое не впервой. Россияне топчутся у колонн. Кто-то в айфон объясняет ситуацию.

Меня вызывают. Офицера интересует цель визита.

— Литературный фестиваль, — предъявляю приглашение Спилки писменников (Союза писателей).

Его брови поднимаются. Он удивлен. Ничего себе, в такое время — и фестивали. Ох уж эти *писменники*…

Шлепают штамп: проходите. *Писменник*…

Это — не *welcome*. Не *ласкаво просимо*. Просто: проходите.

Но я и не ждал особой *ласки*. Откуда ей взяться-то?

ТРЕВОГА

Киев. Не был здесь четверть века.

Здесь не театр. Здесь жизнь. Каждый ее час полон ожидания: когда. Когда они придут. Все вокруг более или менее внятно давали мне понять: мы ждем вторжения.

И не донецких «ополченцев» с лицами гопников. И не крымских «зеленых человечков». А бомбежек, колонн танков и десантуры на броне. Казалось, ждут и те, кто с оптимизмом говорил: вторжения не будет. И объяснял почему.

Были и иные причины тревоги. В те дни убирали Майдан — вече в центре города, на площади Независимости и части Крещатика, — где становилось все меньше гражданских активистов и, как говорили, все больше маргиналов, склонных к агрессии.

«Зимой и весной Майдан был необходим, — утверждает Ильгиз Исхаков, предприниматель и эксперт, как он себя называет — украинец татарского происхождения, консультирующий реформу самоуправления и помогающий как благотворитель бойцам АТО. — Власть в Украине устроена так, что ей важно напоминать: главный в стране — народ, он источник власти, он вас поставил и вы ему служите. Иначе в высоких кабинетах об этом быстро забывают. У Майдана была задача: день и ночь показывать это чиновникам и политикам, борясь за собственную свободу и честь. Но гражданская сила, модель эффективной самоорганизации стала перерождаться в очевидно лишенную позитивных целей группу маргинально-псевдореволюционных людей, живущих в центре города. Прежде это было важно и полезно. Но сегодня это бессмысленно

и раздражает. И было решено восстановить на площади обычную жизнь и уличное движение».

Удалось это не сразу. Летели «коктейли Молотова». Но силам порядка, во многом состоящим из недавних майдановцев, удалось расчистить большую часть площади.

Накануне ликвидации лагеря в знойных сумерках мы шли мимо знаменитой «елки» — каркаса новогоднего дерева, что в пору зимнего противостояния и выборов президента служил огромным агитационным стендом. Монумент Независимости и соседние скульптуры украшали национальные флаги. Стояли баррикады. На улице Институтской, где зимой погибло больше всего людей, стояли стихийные монументы павшим и раненым участникам восстания. Уцелела и брезентовая палатка с табличкой «Пятый редут».

Близ нее в сумерках маячили экзотические тени. В полголоса обсуждали: что будет завтра. Рядом сине-желтой брусчаткой выложена надпись: «Украина».

И гербовой трезуб.

СОЛНЦЕ КИЕВА

Назавтра палатки уже не было.

Коммунальные службы и волонтеры убирали остатки лагеря. Группа протестующих требовала сохранения Майдана в прежнем виде. Осталась только трибуна, откуда в дни противостояния выступали лидеры оппозиции, «елка» и памятники жертвам.

«Жаль Майдан, — говорит профессор филологии Изабелла Буниятова в кафе «Шоколадница» близ почтамта, в крыле которого расположен штаб «Правого сектора», где у входа дежурят девушки и подростки в черных футболках. — В мороз мы с моими студентками ходили сюда с Майдана греться. На Майдане был весь университет. И вся Киево-Могилянская академия. И другие вузы. Здесь были все. Представьте себе момент колоссального подъема! Люди несли деньги, еду, воду — все, что требовалось восставшим. А главное — веру в то, что нельзя бесконечно врать и безнаказанно унижать народ. Веру в победу. В Европу. Европейский выбор свершался здесь. На Майдан шли со всех концов Украины. То были дни и ночи порыва и вдохновения. Часы жертв и торжества. И мы не отдадим их никому и никогда».

Как тут не вспомнить стихи поэта Виталия Зинченко:

Несколько раз за столетие город встает перед выбором —
Запад или Восток, паровая машина Уатта или свисток…
И ясно, что выбор — не повернуть.

Очевидно, в этот момент украинцы рождались как политическая нация. Прямо здесь — у колонны Независимости, на этих баррикадах, под пулями на Институтской, у пешеходного моста, увешанного лозунгами и транспарантами.

В кафе (кстати, «Шоколадница» — российский бренд) мощный кондиционер. На улице + 30. Выходим из прохлады в пекло и не спеша идем к площади Европы — мимо руин Дома профсоюзов к Украинскому дому. На нем призыв: «Молитесь за Украину!» Здесь начало подъема к возведенному в XI веке храму Софии — первому каменному зданию Киевской Руси, спуск к древнему Подолу и путь к комплексу правительственных зданий — улица Грушевского, где шли бои между самообороной и спецназом «Беркут».

Мы идем к Софии и восстановленному несколько лет назад Михайловскому златоверхому собору, рядом с которым стоит скромный и величественный памятник жертвам голодомора. В 1934—36 годах большевики снесли храм, чтобы построить мощный комплекс государственных и партийных учреждений. Но дело не заладилось. Построили только ЦК украинского комсомола, где теперь расположен МИД.

Величественный Михайловский храм восстановили.

За ним — чудный Андреевский собор. Начало одноименного спуска, воспетого Михаилом Булгаковым в «Белой гвардии». Вдоль улицы — кафе, лотки торговцев сувенирами и лавки антикваров. В них — все: от бюстов Ленина, Сталина и Лаврентия Берии до «визиток» лидера «Правого сектора» Дмитрия Яроша.

Но зной не дает остановиться. И мы спускаемся мимо флажков, значков, наклеек, ушанок, фуражек и мундиров. Мимо граффити «Крым — Украина» и панно с девами редкой красы. Мимо кафе и театров, поделок и искусства — на Подол. К скульптурам гетмана Сагайдачного и философа Сковороды.

НЕПОЙМАННЫЕ МИРОМ

На надгробии первого украинского и русского самобытного философа Григория Сковороды написано: «Мир ловил меня, но не поймал». Родился он в селе Чернухи на Полтавщине в семье казака. Однако со стороны матери имел влиятельных родственников, чья помощь позволила юноше получить образование. Несколько лет он учился в Киево-Могилянской Академии, но курса не кончил, а стал певчим в Санкт-Петербургской Придворной капелле у Зимнего дворца. Здесь он сблизился с фаворитом императрицы Елизаветы Петровны графом Алексеем Разумовским, происходившим, как и он, из казаков. В 1744 году Елизавета едет в Киев, а с ней хор. Григорий отказывается вернуться в Петербург и вновь идет в академию. Но жаждет видеть мир. И просит включить его в русскую миссию, выехавшую в Венгрию за токайскими винами для царского двора. За границей бурсак берет суму и посох. Он идет изучать Европу и людей, «ученостью и знаниями хорошо известных». Странствует в Пруссии, Польше, Венгрии, Австрии, Италии. Слушает лекции видных мыслителей. Изучает философские системы. Постигает жизнь. Сравнивает с жизнью на Родине. Тут-то и настигает его тоска по ней. Он возвращается под сень родных дубов — бродячий мыслитель, сочинитель, сказитель, автор философских диалогов, басен и притч, двоюродный прадед видного потомка — философа Владимира Соловьева. В интеллектуальной истории России и Украины сложно найти мыслителя, о котором сложили бы больше легенд. Но достоверно известно: он скончался в 1794 году в селе Ивановка по пути в Киев. Говорят, Сковорода ощутил близость кончины, помылся, надел чистое, лег и умер. Но до столицы дошел.

Памятник ему стоит напротив 1-го корпуса Киево-Могилянской Академии.

Здесь собираются студенты и, как до сих пор говорят, неформалы. Один из них, увидев мою сумку, расшитую гербами стран и городов, спросил:

— *Where are you from?*

— *Moscow. Russia*.

Без малейшей антипатии, но в сильнейшем изумлении он спросил, как и почему я сюда попал. «Передайте в Москве, — парень перешел на русский, такой же хороший, как английский, — мы вас любим. Когда приходите без оружия. Хорошего дня!»

Он вскочил на скейтбордину и умчался навстречу приключениям. А мы пошли к памятнику Петру Сагайдачному — непростому человеку на коне с булавой. Сагайдачный — первый запорожский гетман, национальный герой Украины, равный по авторитету Богдану Хмельницкому, чей памятник стоит на Софийской площади. Известно: на монумент денег хватило. А на постамент пришлось собирать. Но собрали.

Монумент Сагайдачному попроще. Возглавив запорожцев, он повел казаков против Крымского ханства, Османской империи и Московского царства. Побудил Варшаву признать автономию казацкой республики. Победил в Хотинской битве, заставив турок подписать мир с Польшей. Умер от смертельной раны отравленной татарской стрелой.

У его памятника нас подобрал таксист.

ЧУДО ЛАВРЫ

Киевские таксисты — они как нью-йоркские: особые люди.

Любят поговорить. И говорят, что думают. Этот, узнав, что мы из Москвы, спросил напрямик: «Что же вы с нами воюете?» Оказалось, что сам он с Орловщины, в Киеве 20 лет, русский украинец и очень болеет за эту войну: «Поверьте, есть только один выход — оставить нас в покое. То, что мы зимой завоевали — не отдадим. Не сомневайтесь ни минуты».

Так здесь думают почти все, с кем пришлось общаться. Красавица-поэтесса Татьяна Ковалевич — беженка из Донецка, получившая на организованном украинским поэтом и издателем Олегом Федоровым фестивале «Интереальность», где я был гостем, премию, сказала: «Я передам эти деньги в госпиталь — бойцам АТО». Не удивительно, что в Украине актуальна гражданская лирика. И на фестивале — одном из нескольких прошедших в стране этим летом — ее терпких слов, похоже, звучало больше, чем каких-то других стихов. А горько было оттого, что, слушая их, я понимал: единственное, что я могу сделать для этих людей — быть здесь. Русским без оружия. И повторять — следом за лауреатом конкурса Виталием Зинченко:

…если вы долго-долго падали, но не пали,
Ной не для вас достраивает ковчег.

Не успели мы договорить с таксистом, а вот уж и Печерская Лавра. Чудо такое, что слов не подберешь: Благодать разлита здесь в воздухе, а — немотствуют уста. За стены не пускали — шли выборы Митрополита Киевского и всея Украины. Избрали архиепископа Черновицкого и Буковинского Онуфрия — мудрого архипастыря и миротворца, призвавшего сепаратистов сложить оружие.

С высокого берега город кажется очень новым. Жара ушла. И стало как будто светлее. Вспомнил: в пору холодной войны Василий Аксенов шутливо писал про Нью-Йорк: «Солнце ярко светит над теснинами Манхэттена, но невесело простым американцам». Само -собой, переписалось: высоко стоит солнце над Киевом…

Весло ли киевлянам? Нет. Хотя в городе спокойно. Магазины полны товаров и продуктов. А вечером на Крещатике много красивых людей. ■

Киев—Москва

СВЕТЛАНА МИХЛОВА

СРОК ИСТЕКАЕТ 4 ОКТЯБРЯ

В соответствии с вступившим в силу 4 августа 2014 года законом № 142-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 30 Федерального закона О гражданстве Российской Федерации» граждане РФ обязаны информировать органы исполнительной власти РФ о наличии двойного гражданства или вида на жительство в другой стране, после 4 октября за невыполнение предусмотрено уголовное наказание. В народе закон быстро назвали «Донеси на себя», форумы заполнились массой неправдивой информации, причем и от юристов как раз в стиле «вам ничего не надо подавать, но подайте на всякий случай, включая копии всевозможных документов».

Хорошо исполняются законы понятные и простые. Чем хуже формулировка закона и чем больше исключений, тем менее можно ожидать, что закон будет помогать обществу наладить нормальную жизнь.

Мы, живущие за рубежом многие годы, а то и десятилетия, не нарушавшие законы, уже много раз были поставлены в ситуацию нежелательных элементов, которые только мешают на родине. При этом нарушался основной принцип законности, потому что правила распространялись не на всех, и многие оказывались перед лицом правосудия «равнее» других. Одним «полуиностранцам» позволяли иметь двойное гражданство, другим, как следствие двусторонних договоров, это было запрещено. Одни внуки приезжали в гости к бабушке в любое время, другие же, из другой «иностранди», должны были ждать неделями заветного приглашения, унижаться в посольстве, стоять в очередях в строго определенный день, занимая очередь в пять утра…

Казалось бы, можно вздохнуть спокойно, потому что времена, когда приходилось получать бессмысленную визу в собственную страну, канули в Лету. Но та вода утекла, и пришла новая волна, может, еще более мутная. В новом законе написано, что если вы постоянно живете за рубежом, то вам ничего сообщать не надо. Как, однако, это будет определяться? Если у вас ПМЖ, то это и расшифровывается как постоянное место жительства, в каких же случаях это постоянное можно рассматривать как временное?

Новый закон первоначально, видимо, хотел ограничить случаи, когда мошенники, награбив добро (в переносном или прямом смысле), скроются за границу. Однако каждому понятно, что для этих людей закон не писан, и они без труда сумеют обойти его и в данном случае. Для остальных же, а их в разы больше, начнутся неприятности, которые уже наступили, потому что законопослушные граждане не смогли заполнить вопросники в первые дни вступления в силу распоряжения: нужные бланки просто отсутствовали как в УФИМС, так и на почтах.

Граждане, которые боятся своего государства, не могут считаться гражданами. Это холопы, которые не упустят возможности укусить за руку своего господина, когда ему будет плохо. Люди, которым грозят уголовной ответственностью за несоблюдение административных распоряжений, получивших статус закона, низводятся до положения подданных. Как все это объяснить одинокой бабушке, которую «на всякий случай» совсем забросит уехавшая на заработки семья? Как это можно разъяснить ребенку, за которого неправильно заполнили бумажки? ■

НИНА МИХАЛЬЧЕВСКАЯ
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ

МЕЖДУ БЕРЕГОВ ВЛТАВЫ

Словацко-чешское общество в сотрудничестве с многими общественными организациями и клубами — воинскими, ветеранскими, национальными — провели традиционное плавание по Влтаве в честь памятных дат: 70-летия Словацкого национального восстания и 69-летия окончания Второй мировой войны. Двухпалубный пароход «Европа» отошел от пристани «На Франтишку» на шестичасовую прогулку. Гостей на борту приветствовали от имени председателя правительства ЧР Богуслава Соботки и словацкого премьера Роберта Фицо. На нижней палубе собрались почетные гости и ветераны. В мероприятии приняли участие сотрудники и общественные организации Дома национальных меньшинств. Как и каждый год, поддержку оказали Мэрия Праги, Управление по делам словаков, живущих за границей, и многочисленные спонсоры. Чувство прекрасного оставила картина Праги со стороны реки — архитектура, отдыхающие люди и белые лебеди — идеальный мир через призму событий. ■

МАРИНА ДОБУШЕВА
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ

АВГУСТ БЕЗ НАТАЛЬИ ГОРБАНЕВСКОЙ

В конце августа, когда Чехия вспоминала драматические события советской оккупации своей страны, в Праге прошла выставка французского художника Ярослава Горбаневского «1968—2014 — запечатленная память». В душный день 21 августа маленькая галерея Art in box была заполнена до отказа.

«Я не Наталья Горбаневская, — сказал в начале своего выступления художник. — Наталья Горбаневская была неординарным человеком, но и одновременно моей матерью. Пока она была жива, я рисовал натюрморты». К темам политики в их общей биографии ее старший сын Ярослав пришел лишь недавно. Он создал графические листы «Красная площадь» и «Свидание с матерью», где изобразил протестующих против оккупации Чехии на Красной площади и сюжет, когда ему разрешили навестить мать в тюрьме. Эти работы были выставлены рядом с графическим портретом Натальи Евгеньевны, для которого она позировала сыну не более семи минут, потому что сидеть для нее было всегда невыносимым. Другое дело — портрет бабушки, классическая живопись, холст, масло. Бабушка, как рассказал Ярослав, приехала в Париж в первый год падения железного занавеса, они увиделись снова через многие годы. «Мирные» натюрморты и пейзажи уравновешивали картину мира на выставке. Но все же под прицелом оставался август-68. ■

АНАСТАСИЯ КОПРШИВОВА

ПЛОЩАДЬ ПУШКИНА (УРАЛЬСКАЯ ПЛОЩАДЬ) И КОНТЕКСТЫ

Бюст Пушкина на пражской Пушкинской площади. Фото: Roman Vondrouš, ČTK.

В «Русском слове» № 6/2014 был опубликован материал «Пушкин и контексты». Хочу добавить к статье некоторые интересные факты.

Четыре раза менялись названия большинства улиц и площадей в пражском квартале Бубенеч. Их переименование было всегда тесно связано с изменением политической ориентации страны.

Первая волна переименований была после 1939 года, когда перестала существовать Чехословакия и ее жалкие остатки носили позорное название Протекторат Чехии и Моравии, а центром власти стал фашистский Берлин. После войны, в 1945 году, улицам вернули прежние имена. Третья волна новых названий хлынула после 1948 года, на этот раз — под влиянием новой коммунистической ориентации страны. Последняя волна переименований наступила после 1989 года.

Счастливыми оказались те улицы, названия которых были политически нейтральны и связаны с местными особенностями или разными областями человеческого труда: Botičská, Branická, Horská, V lesíčku, Dlouhá, Krátká, Horní, Dolní, Levá, Pravá, Cihlářská, Děkanská, Cukrovarnická. Эти безобидные названия никому и никогда не мешали.

Городские кварталы Бубенеч и Дейвице сравнительно молоды. Они строились «в чистом поле» с 1923-го по 1925 год. Планировка сети улиц и площадей создавалась как одно целое, во главе проектантов стоял профессор А. Энгел, один из лучших архитекторов того времени. На центральной круговой площади было построено здание Министерства национальной обороны, здание военного картографического института и квартиры для офицеров чехословацкой армии. Новые улицы и площади получили свои имена в память о тех, кто воевал в чехословацких легионах на территории России, Франции и Италии. В честь российских легионеров были названы улицы Уральская, Киевская, Казанская, Бахмачская, улицы Ганацкого и Татранского полков и улица На магистрали. Местные кинотеатры назывались «Киев» и «Орлик» (в память одного из легионерских бронепоездов). В честь французских легионов были названы улицы Дункергская, Терронская, Арасская, Соммская и На Марне, а в честь итальянских легионов — улица На Пияве. Красивая небольшая площадь получила имя французского генерала Жанена. Сегодня эта площадь называется Интербригады и в ее центре стоит статуя маршала И. С. Конева.

Глубоко правдива старая чешская пословица: «Všechna sláva — polní tráva». Прошло сто лет — и кто сегодня знает имя генерала Жанена? Еще через сто лет будут забыты и имена сегодняшних героев. Имя Пушкина останется и никому мешать не станет.

Постскриптум: Я посмотрела памятник, и, на мой взгляд, он не так уж плох. Бывают гораздо хуже. ■

КОЛЛЕКЦИОНЕР И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ МОСКОВСКИЙ ЧЕХ

З. Т. ЛУКИНОВА

АНТОНИН ГРАБЬЕ

В. Н. Пчелин
Портрет Антонина Грабье,1907 год
Национальная галерея, Прага

Руководство чехословацкого земляческого кружка. Москва, 1914 год.
Слева направо: Антонин Грабье, председатель; Сватоплук Коничек, заместитель председателя; Луис Тучек, представитель в России (Москве) и одновременно генеральный директор сборочного производства в Санкт-Петербурге заводов Лаурин и Клемент, впоследствии Автомобильных заводов Шкода.
Собрание Исторического музея, Сланы.

Ровно 100 лет назад, 20 августа 1914 года, государь император Николай II принял в Кремле делегацию представителей московской чешской колонии в составе: председатель чехословацкой земляческой гильдии в Москве А. Грабье, его заместитель С. Коничек, генеральный представитель заводов «Лаурин и Клемент» в России А. Тучек. Эта встреча вошла в историю под названием первой аудиенции у царя. Чехословаки выразили желание своей диаспоры начать формирование воинских подразделений и воевать в составе российской армии, предложив Николаю II Романову ни больше ни меньше — политический союз с ведущей ролью России. Вот что высоким слогом они записали в заключительной части своей петиции: «Пусть засияет свободная и независимая чешская корона св. Вацлава в лучах короны дома Романовых». Событие, что и говорить, выдающееся. В России оно обошло первые полосы газет, а в Вене, на исторической родине, австрийская полиция записала всех троих в список предателей. Биографиями С. Коничека и А. Тучека занимались авторы серии очерков о легионерах в журнале «Русское слово» историки Александр и Дина Муратовы. Загадкой оставалась фигура третьего из делегатов — Антонина Грабье. Сведений о нем найти не удавалось. Если бы не счастливое обстоятельство.

К автору статьи, опытному специалисту по русскому искусству, обратился один из известных пражских антикваров с предложением нескольких картин русских авторов, сообщив, что, по словам владельцев этих картин, речь может идти о части коллекции их родственника, которую тот собрал в течение 40 лет своей жизни в дореволюционной Москве. В течение нескольких лет поисков были найдены другие картины из этой коллекции в Национальной галерее ЧР в Праге, Историческом музее г. Сланы, музее изобразительного искусства в г. Наход, частных коллекциях страны. Еще несколько лет понадобилось для того, чтобы найти и подтвердить факты биографии А. Грабье, а затем уже PragueArt Gallery обратилась в общество «Русская традиция» с предложением провести совместно в Доме национальных меньшинств выставку классической русской живописи из собрания Антонина Грабье.

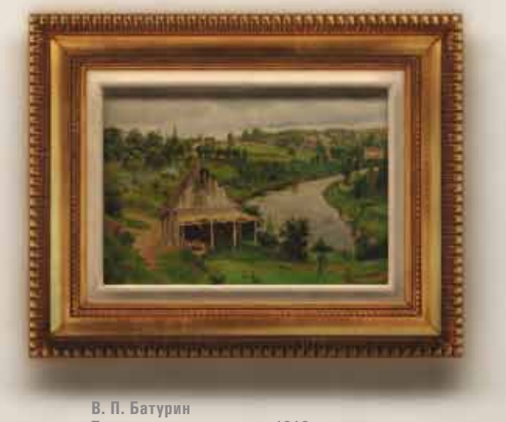
Так мы узнали о великом коллекционере, московском чехе Антонине Антоновиче Грабье, и всем своим читателям предлагаем посетить уникальную выставку, которую готовимся показать с 6 по 19 октября сего года — совсем скоро нас ждет это событие, не пропустите.

На выставке будет представлена часть обширной оригинальной коллекции картин русских авторов Антонина Грабье, собранной им в конце XIX — начале XX веков, почти за 40 лет его профессиональной деятельности в Москве в качестве торгового агента практически всех, в том числе представленных на выставке, корифеев московской школы живописи: В. Д. Поленова, И. И. Левитана, М. В. Нестерова, К. А. Коровина, А. М. Васнецова, Л. В. Туржанского, В. Н. Бакшеева, В. Н. Мешкова, А. М. Корина, К. П. Левина, В. П. Батурина, А. Н. Каринской, Д. Э. Мартена и многих других.

Антонин Грабье оказался в Москве в 1870-х годах в роли скромного подмастерья золоченых скульптурных рам, куда его из Австро-Венгрии отправили в помощь вдове усопшего рамочных дел мастера. Однако со временем он дорос до выдающего багетного мастера, владельца домов и фабрики канцелярских принадлежностей на Пресне, магазина картин и художественных принадлежностей на Большой Никитской улице в нескольких сотнях метров от Московского Кремля. Значительное место в жизни А. Грабье в Москве занимала его многолетняя работа на посту председателя чехословацкого земляческого кружка. Не удивительно, что в период начала Первой мировой войны в 1914 году он деятельно проявил себя, так же как и люди близкие ему —

К. П. Левин
Река Пахра у Подольска, 1913 год
Частная коллекция, предоставлено галереей PragueArt Gallery, Прага

Д. Э. Мартен
На реке Клязьме, 1917 год
Частная коллекция, предоставлено галереей PragueArt Gallery, Прага



В. П. Батурин
Тропинка на опушке леса, 1913 год
Частная коллекция, предоставлено галереей PragueArt Gallery, Прага

его заместитель на этом посту Сватоплук Коничек, а также представитель в России (Москве) и одновременно генеральный директор сборочного производства в Санкт-Петербурге заводов «Лаурин и Клемент» (впоследствии Автомобильных заводов Шкода), земляк А. Грабье из города Сланы Алоис Тучек (в некоторых источниках — Луис Тучек). Можно предположить, что именно многолетний авторитет руководителя этой небольшой делегации Антонина Грабье среди московской художественной элиты, которая имела прямой доступ к самому царю, стал решающим фактором того, что первая аудиенция состоялась. Впервые широкая общественность узнала об этой исторической встрече из статьи в газете «Новая политика» за август 1934 года, которая посвящалась 20-й годовщине этого события. Это еще раз подчеркивает скромность этого, можно с полным основанием сказать, великого чеха, сделавшего для своей страны первый и оттого еще более значимый шаг к независимости. Именно на этой встрече русский царь Николай II пообещал оказать чехословакам всяческое содействие в образовании их национального государства, что в последствии послужило главным препятствием к заключению сепаратного мира России с Австро-Венгрией. Этот великий и многими забытый московский чех фактически стоял у колыбели молодой Чехословацкой республики, однако этот факт практически не известен широкой общественности.

После произошедшего в России большевистского октябрьского переворота, супруги Грабье вывезли большую часть своей коллекции домой, в свой родной город Сланы. В 1920 году в салоне господина Топича в Праге на улице Народни состоялась выставка-продажа произведений русского искусства из коллекции А. Грабье. Так многие произведения нашли новых хозяев, осели в галереях и частных собраниях.

Каким был человеком Антонин Грабье, красноречиво говорит и прощание с ним друзей и коллег в конце его земного пути. В некрологе, опубликованном на его кончину, староста и директор Банка города Сланы К. Чижек, писал:

«17 января 1940 года мы проводили в последний путь настоящего патриота, 84-летнего Антонина Грабье. Рожден он был в городе Сланы, свой трудовой век прожил в Москве, где прославился как искусный рамщик и позолотных дел мастер. Работал в тесном контакте с великими русскими художниками, был поставщиком картин для музеев и галерей. Был последним из живущих участников аудиенции московских чехов у царя в 1914 году.

В Сланы вернулся после Великой войны, чтобы дожить свой век, который всецело посвятил труду и земляческому единению. Был ведущим представителем чешского земляческого кружка в Москве. Мы его знали как уважаемого человека, искреннего патриота, знатока изобразительного искусства.

Любил свою родную землю и даже тогда, когда судьба не щадила, не держал в себе зла. Его благородное сердце несло в себе много любви и прощения. Часто лишенный простых земных радостей, всем сердцем стремился обогатить галерею музея г. Сланы, передав туда три прекрасные картины великих русских художников.

Вечный тебе покой на Первом городском кладбище в Сланах.

Когда наши стопы поведут к его гробу, мы будем вспоминать хорошего человека с душой богатыря — Антонина Грабье».

Выставка избранных картин из коллекции Антонина Грабье в Доме национальных меньшинств является пилотным проектом к большой выставке из коллекции А. Грабье и дает нам представление о московской школе пейзажной живописи конца XIX — начала XX веков, что поможет посетителям соприкоснуться с той частью славянского культурного наследия, которая до сих пор была мало доступна культурной общественности. Картины для этой выставки поступят из собрания Национальной галереи Праги (дарованные галерее потомками А. Грабье), фондов Исторического музея города Сланы (подаренные самим А. Грабье), частных собраний ЧР (любезно предоставленные галереей PragueArt Gallery, г. Прага).

Задачи настоящей выставки — привлечь внимание к личности господина Антонина Грабье и его заслугам перед чешским государством в период его подвижнической деятельности в Москве и показать его как исключительного собирателя произведений русского изобразительного искусства — составной и неотъемлемой части культурного наследия, объединяющего славянские народы и способствующего более полному их взаимопониманию. ■

ЛЮБОВЬ ОРЛОВА
(1925—2014)

11 августа 2014 года скончалась Любовь Орлова. Все мы ее знали как Любовь Ладиславовну, Любу или даже нежно — Любочку. Умерла она в преклонном возрасте 89 лет. Она принадлежала к потомкам коренных эмигрантов. Ее отец Ладислав Клабский был чех, а мать — русская. Семья Лабских была многодетная: два мальчика и три девочки. Отец был работником русских и чехословацких железных дорог — начальником железнодорожных станций, и семья следовала за отцом по месту работы. Они побывали в Братиславе, Пезиноке, Чешской Тршебове, Злине; последняя, самая интересная их квартира была в здании Главного вокзала в Праге. Пятеро детей часто меняли учебные заведения, но все-таки учились и в русских школах: в Моравской Тршебове, в Праге — в Страшницах и на Панкраце.

Любу-Любочку все любили, она была веселая и общительная, у нее был прекрасный голос, она пела в Пражском церковном хоре и студенческом хоре им. Архангельского. Именно там она познакомилась со своим будущим супругом, донским казаком Саввой Васильевичем Орловым. Савва Васильевич окончил в Праге ČVUT и стал известным архитектором-статиком, который, например, работал в коллективе строителей Пражской русской гимназии на Панкраце. Была между ними огромная разница в возрасте: жених был на 29 лет старше молодой невесты, но это была любовь, какую не часто в жизни встретишь. Они уважали друг друга, и им удалось создать прекрасную семью и воспитать двух сыновей.

К сожалению, старший сын Алексей, будучи солдатом чехословацкой армии, трагически погиб в 1968 году. Через два года умер и Савва Васильевич Орлов. С жизненными трудностями и трагедиями Любовь Ладиславовна справлялась благодаря глубокой религиозности. Она была истинно верующим человеком и свою судьбу принимала как замысел Божий. Всю жизнь она работала и заботилась о семье и своих престарелых родителях. Работала технической переводчицей, т.к. безукоризненно знала чешский и русский языки и внимательно следила за изменением технической терминологии. Со временем она стала незаменимой работницей ЧКД, где занималась устными и письменными техническими переводами. Работала она тихо и незаметно, но все знали, что на результат ее работы можно положиться.

После ухода на пенсию она поддерживала связь со всеми родственниками и подругами студенческих лет. У ее стола встречались ее одноклассницы и друзья ее покойного супруга. Они вместе вспоминали минувшие годы, пели и ободряли друг друга. Когда ее здоровье ухудшилось, она перестала выходить, с трудом передвигалась по квартире, но не падала духом и усердно молилась Богу. Опорой ей был ее младший сын Владимир, который о ней нежно заботился.

Все мы будем о ней вспоминать с улыбкой и любовью. ■

АНАСТАСИЯ КОПРШИВОВА И КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ СЛОВО»

ЧЕШСКАЯ ДРУЖИНА
И ЕЕ ПЕРВЫЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ

ЧАСТЬ 12

ГЕНЕРАЛ ОТ ИНФАНТЕРИИ НИКОЛАЙ ХОДОРОВИЧ – «КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ» ЧЕШСКОЙ ДРУЖИНЫ

Одним из русских офицеров, заслуживших большое уважение чехословацких добровольцев, является генерал Н. А. Ходорович. Он помогал нам при создании Чешской Дружины и не устает трудиться в этом направлении поныне.

Зденек Рейман[1]

Генерал от инфантерии Ходорович Николай Александрович (1857—1936). На фото — с Чехословацким Военным крестом 1918 года, орденом Святого Владимира 3-й ст. с мечами и нагрудным знаком выпускника Николаевской академии Генерального штаба. 1920-е годы.

Частная коллекция А. Е. Шереметьева.

12 августа 1914 года Совет министров России одобрил просьбу чешских общин о формировании воинской части из чешских добровольцев в составе армии.

14 августа начальник штаба Киевского военного округа (КВО) генерал-лейтенант Н. А. Ходорович получил из Генерального штаба телеграмму о том, что на основании заявлений чешских общин России планируется создание воинских формирований для военных действий против Австрии.

20 августа в штаб КВО пришел приказ № 2843 от 18 августа о том, что Генеральный штаб решил формировать чешскую воинскую часть в этом военном округе. Руководить ее формированием поручили начальнику штаба округа генерал-лейтенанту Н. А. Ходоровичу[2]. Так он стал не только исполнителем приказа, но и опекуном, «крестным отцом», чехословацких военных формирований в КВО и на Юго-Западном фронте. Интересна и насыщена событиями его военная карьера, завершившаяся в Чехословакии в 30-х годах прошлого столетия.

В ЦАРСКОЙ АРМИИ

Николай Александрович Ходорович родился в 1857 году в Киеве. Окончил там реальное училище. Поступил во 2-е военное Константиновское училище в Петербурге, после чего служил в Лейб-гвардии Литовском полку. Женился 8 января 1886 года в Петербурге на Елене Михайловне Поповой, 1866 г. р.

В 1890 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба и служил офицером этого штаба в Варшавском военном округе. С 1894 года он старший адъютант штаба округа и редактор «Варшавского воинского журнала». В 1898 году произведен в полковники.

С 1901-го по 1904 год — он начальник штаба 33-й пехотной дивизии. Во время Русско-японской войны с 4 марта по 22 ноября 1904 г. Н. Ходорович успешно командовал 165-м Луцким полком на фронте. В феврале 1905 г. произведен в генерал-майоры «за боевые отличия» и назначен начальником тыла 3-й Маньчжурской армии, затем — начальником военных сообщений в этой армии. В сентябре 1906 г. Н. А. Ходорович переведен в Киевский военный округ на такую же должность. Здесь он основал «Воинский исторический вестник» и стал его главным редактором.

В июне 1911 года произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником штаба Омского военного округа. В июле 1914 года он переведен на должность начальника штаба Киевского военного округа[3].

Упомянутый выше приказ Генерального штаба от 18 августа 1914 года предписывал Н. А. Ходоровичу формировать чешскую воинскую часть в КВО, так как округ расположен близко к месту проживания многих чехов и является тылом Юго-Западного фронта, ведущего военные действия против австрийской армии.

Указывалось, что чешский уполномоченный орган будет представлять списки добровольцев, за которых чешская община ручается, а персональный выбор их производит военный округ. Обязательное условие при поступлении — подача добровольцем, если он гражданин Австрии, заявления с просьбой о предоставлении ему российского подданства. Штабу КВО предоставлялось право выбора вида формируемой части и количества личного состава в ней. Киевский чешский комитет располагал тогда списком более 500 своих и иногородних добровольцев. Поэтому штаб округа решил формировать отдельный батальон неполного состава из двух рот, который мог бы в будущем расширяться. Такие воинские части — батальоны неполного состава — по традиции называли «дружинами».

Генерал Н. А. Ходорович в тот же день послал приказание командиру дисциплинарного батальона в г. Дубно подполковнику Людвику Лотоцкому о том, что командующий КВО назначил его командиром батальона «Чешская дружина». Сообщил, что в него вступят 540 чешских добровольцев, а из других частей будут переведены восемь офицеров, четыре чиновника и 124 унтер-офицера и солдата российской армии. Подполковник Л. Лотоцкий прибыл в Киев с несколькими офицерами и унтер-офицерами, получил необходимые распоряжения от Н. Ходоровича и приступил к организации дружины в жилых помещениях Михайловского монастыря и Первом реальном училище. 28 августа был издан приказ № 1 по Дружине о формировании двух рот и местах их дислокации. С этого дня началась жизнь Чешской дружины, первой чешской этнической воинской части через 300 лет после битвы у Белой горы. 2 сентября закончилось обустройство прибывших добровольцев на казарменном положении. Об этом Н. А. Ходорович доложил в Ставку.

Генерал руководил становлением Дружины через офицеров штаба и чешских представителей: В. Вондрака, З. Реймана, А. Тучека, Й. Йндржишека и других собиравшихся добровольцев. Так он познакомился с ведущими чешскими общественными и политическим деятелями Киева, Москвы, Петрограда и других городов.

Вскоре выяснилось, что между командиром дружины подполковником Л. Лотоцким с его кадрами из дисциплинарного батальона с одной стороны и добровольцами с другой, не складываются нормальные служебные отношения. Н. Ходорович принял меры, и из Москвы 23 сентября был прислан новый командир — общевойсковой подполковник И. В. Созентович. Он приехал с А. Тучеком, руководителем фирмы «Лаурин и Клемент», уже вступившим в Дружину, и добровольцем С. Чечеком, бухгалтером этой фирмы. Они привезли знамя Дружины, вышитое московскими чешками.

Через месяц боевой подготовки, 11 октября (28 сентября по Юлианскому календарю), в день св. Вацлава, проходило освящение знамени и принятие присяги добровольцами. Генерал Н. Ходорович был старшим воинским начальником на этом торжестве и руководил им. Гражданскую власть представляли депутат Государственной думы В. А. Маклаков, киевский голова города И. Н. Дьяков, члены Городской думы и Земской Думы Волыни. Торжество началось богослужением. Затем Н. Ходорович прибил

[1] Rejman, Zdeněk. Gen. N. A. Chodorovič. In: J. Vavroch, red. Ruští důstojníci v československém odboji. Praha. 1933. C. 33–37.

[2] Prášek,Vojtěch. Česká družina (Psáno k 20. výročí jejího založení). Praha. 1934. C. 14.

[3] Ходорович Николай Александрович. Биографический указатель. *http://1914ww.ru/biograf/bio_h/hodorovich.php*

к древку знамени навершие в виде двуглавого орла. Это было не только частью ритуала, но и символом интереса и заботливого отношения генерала к будущим чехословацким военным формированиям. После этого каждый почетный гость забивал гвоздь, прикрепляя полотнище знамени к древку. Генерал торжественно поднял знамя. Киевский архимандрит совершил освящение знамени. Затем генерал вручил его командиру Дружины. Знаменщик прапорщик Я. Гейдук принял знамя от командира. 22 октября Дружина уехала на фронт.

Генерал Н. А. Ходорович в это время вел большую организаторскую работу по обеспечению потребностей армий Юго-Западного фронта.

С весны 1915 года в Киев начали прибывать в лагеря тысячи военнопленных. В Печерской крепости и лагере Дарница создались большие проблемы с их содержанием из-за недостатка помещений, неорганизованности и злоупотреблений персонала. Пленные голодали, болели и умирали. Военным комендантом Киева был российский немец генерал-лейтенант П. В. Медер, а начальником лагеря — бывший петроградский адвокат, офицер запаса, также немец. Они не вникали в проблемы содержания военнопленных и не занимались в должной мере обустройством и внутренним порядком растущего лагеря. Члены чешского комитета Киева, узнав о бедственном положении военнопленных, среди которых большинство составляли чехи, словаки и другие славяне Австро-Венгрии, встревожились и обратились к Н. А. Ходоровичу. Генерал принял меры: была послана комиссия для проверки. Сменили начальника лагеря. Им назначили доцента из Петрограда, полковника медицинской службы А. Д. Грибоедова. Председателю военной комиссии Союза ЧС обществ В. Вондраку и ряду ее членов разрешили свободный вход в лагерь и контакты с пленными. Началось упорядочение внутренней жизни лагеря. Хозяйственный и управленческий персонал лагеря из военнопленных возрос до 306 человек. В него включили много славян, знавших языки пленных. Под руководством пленного профессора В. Свободы создали «Писарский сбор», который начал группировать пленных по национальностям, профессиям и др., формировать рабочие команды. Описание этих мероприятий в лагере Дарница может быть отдельной темой. Заметим, что в писарский сбор попал еще один военнопленный Свобода, по имени Людвик, рядовой, будущий президент Чехословакии. Его вскоре перевели в пожарные киевского депо на ул. Тарасовской, возле Университета св. Владимира. В пожарных Людвик Свобода долго не задержался. Увидев в университетском ботаническом саду обучающихся добровольцев, он пожелал присоединиться к ним и записался в добровольцы. В запасную роту попал осенью, когда ее перевели в Борисполь.

С июля 1915 г. Н. Ходорович был назначен помощником главного начальника Киевского военного округа, а в апреле 1916-го произведен в генералы от инфантерии (генерал-полковник) и назначен главным начальником Киевского военного округа. В это же время в Киеве проходил Второй съезд союза Чехословацких обществ, который своим решением поздравил генерала с назначением, выразил благодарность за все добрые дела и послал к нему депутацию в составе В. Чермака, В. Вондрака, Й. Йиндржишека, Шнеппа и Й. Оршага. Это было признание заслуг генерала и штаба округа перед чехословацким освободительным движением. Председателем Союза ЧС обществ в России был избран доктор В. Вондрак.

21 апреля 1916 года царь написал «Согласен. Николай II» на проекте об освобождении из лагерей славянских военнопленных, представленном доктором В. Вондраком. Генерал Н. А. Ходорович, одновременно с другими важными делами, проводил реализацию этого решения царя в КВО, привлекая деятелей Союза Чехословацких обществ. В соответствии с решением II съезда Союза ЧС обществ была организована группа агитаторов и доверенных лиц для работы среди пленных. В целях конспирации ее назвали «Клуб сотрудников Союза чехословацких обществ». Они вели агитацию в лагерях. Появилось много добровольцев, которыми пополняли чехословацкие запасные формирования.

В киевских военных госпиталях умирало много раненых. В 1915 году создали воинское Братское кладбище на одном из отрогов Зверинецкого плато и его склоне, который был спланирован уступами-террасами, чтобы поместилось больше захоронений. Земляные работы выполняли пленные австрийцы.

25 июня 1916 года на Братском кладбище погибших воинов в Первой мировой войне проходила закладка храма Николая Чудотворца. На торжестве присутствовала Ее Императорское Величество Вдовствующая Императрица Мария Федоровна, мать царя Николая II. Ее сопровождали командующий войсками КВО генерал от инфантерии Н. А. Ходорович, военный комендант города генерал-лейтенант П. В. Медер, губернатор граф А. Н. Игнатьев, городской голова Ф. С. Бурчак (медик), председатель губернской земской управы М. А. Суковкин и духовенство[4]. По замыслу архитектора Петра Фетисова предполагалось воздвигнуть над Зверинцем величественное строение в неорусском стиле, подобное знаменитому храму XVI века в подмосковном Коломенском. Строительство не было завершено, в 1918 г. при взрыве складов боеприпасов храм не пострадал. Кладбище в годы разрухи не приводилось в порядок и постепенно исчезло. В 1920-х годах в недостроенном храме предполагали сделать крематорий, но от этой идеи отказались. Это спасло церковь от разрушения.

В 1953 году ученый-механик, будущий академик Георгий Писаренко обратил внимание на добротность кирпичной кладки стен церкви. Вскоре с И. Н. Францевичем (тоже будущим академиком) он добился у горисполкома передачи этой церкви с прилегающей к ней площадью 2,5 га Институту металлокерамики и спецсплавов АН УССР. В дальнейшем к церкви сделали пристройки. Недостроенный храм стал одним из корпусов Института прочности АН Украины. Достижением института была разработка облицовочных плиток для советского космического корабля «Буран»[5].

С сентября 1916 года шел большой приток добровольцев из военнопленных, и деловые встречи командующего КВО Н. А. Ходоровича и председателя Союза ЧС обществ России В. Вондрака стали проводить регулярно два раза в неделю[6].

ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

27 февраля 1917 в Петрограде произошла февральская революция. Царь отрекся от престола. 2 марта объявили первый состав Временного правительства. В Киеве об этом узнали не сразу. Официальные сообщения не поступали. Первыми эту новость получили 28 февраля в три часа дня служащие Управления Юго-Западной железной дороги по своему телеграфу и в обход цензуры вывесили у себя объявление, но им приказали его снять как сомнительное. Но телеграмма встревожила руководство. 1 марта у командующего КВО генерала Н. А. Ходоровича собрались представители власти и общественных организаций. Решали, что делать. Были предложения выпустить воззвание к народу о революции и призыв к спокойствию. Генерал и военные были иного мнения. Они считали, что нужно ждать указаний высшего военного командования. Послали телеграмму командующему фронтом генералу А. А. Брусилову: «Какова позиция армии по отношению к перевороту?» Он воздержался от прямого ответа. Поэтому пресса не получила разрешения и 2 марта о революции не сообщила. Только 3 марта с разрешения А. А. Брусилова и Н. А. Ходоровича сообщение о революции появилось в киевских газетах.

В городе начались собрания и митинги. Чехословаки — военные, военнопленные и поселенцы — собирались у Золотых ворот, у Дома со шпилем на Б. Подвальной, вблизи канцелярии Союза ЧС обществ. У Городской Думы собирались киевляне. 16 марта 1917 года там шел снос бронзового памятника П. А. Столыпину. Генерал К. Г. Маннергейм, проезжая мимо, видел, что памятник был украшен красным шарфом[7]. Генерал Н. А. Епанчин с брезгливостью вспоминал, как «признанный Временным правительством командующий КВО генерал Н. А. Ходорович, пытаясь угодить товарищам, стоял на балконе Думы, а они надели на него вывернутое генеральское пальто так, чтобы он был красным» (генеральская шинель имеет подкладку красного цвета — *прим. авторов*)[8].

В марте—мае 1917 года на Юго-Западном фронте пополнялись 1-й и 2-й чехословацкие полки, формировался 3-й полк и бригада. В армии России началось разложение, дезертирство с фронта, а в национальных окраинах страны оживали освободительные движения и стремления к созданию национально-освободительных армий. Так появились военные организации в Финляндии, Латвии и Армении. Польская воинская часть, возникшая еще в 1914 году, к 1917-му в Борисполе превратилась в польскую дивизию. Правительство предполагало предоставить Польше автономию, а 1-й военный министр Временного правительства А. Гучков обещал создать польский корпус. Чехословацкие запасные части в уездах Полтавской губернии стали основой формирующейся 2-й ЧС дивизии.

Генерал Н. А. Ходорович принимает парад Чешской Дружины на Софийской площади в Киеве. 28 сентября (11 октября) 1914 года. Стоп-кадр кинохроники.

Торжество на Братском кладбище в Киеве при закладке храма-памятника Святителя Николая Чудотворца погибшим. Императрица Мария Федоровна направляется к месту закладки храма. Июнь 1916 года.

Одна из первых манифестаций на Крещатике в дни Февральской революции. Слева на втором плане — Думская площадь, ныне площадь Независимости — Майдан. 1917 год. Издательство ВАРТО.

Снос памятника П. А. Столыпину в Киеве на Думской площади (площади Независимости) напротив здания Городской думы. Статуя была переплавлена на заводе Арсенал. 19 марта 1917 года. Издательство ВАРТО.

[4] Кальницкий, Михаил. Храм-памятник в память павших участников Первой мировой войны (Киев). Киевские ведомости. Март 2003.

[5] Ковалинский, Виталий. Храм прочности на Братском кладбище в Киеве. *http://cerkov.by/page/hram-prochnosti-na-bratskom-kladbishhe-v-kieve#comment-4898*

[6] Z dob odbojové činnosti Čechů a Slováků z Ruska. Kijev, září 1916. Věstník Ústředního sdružení Čechů a Slováků z Ruska. 1932. Č. 12. C. 135.

[7] Маннергейм, Карл Густав. Мемуары. М. 1999. С. 76.

[8] Епанчин, Николай Алексеевич. На службе трех императоров. Воспоминания. М. 1996. С. 473.

Н. А. Ходорович и Е. М. Ходорович в эмиграции в Праге, 1922 год. Национальный архив Чешской Республики.

В Одессе и ее окрестностях формировалась Сербская дивизия. Украинские военные из Российской армии Временного правительства, видя это, создали свое национальное военное объединение — «Клуб гетмана Павла Полуботка» и выступали с требованием о создании «Украинского полка им. Богдана Хмельницкого» из 3000 добровольцев, ушедших с фронта в район Киева. Верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев был против создания украинской воинской части, так как украинцев считали «малороссийской ветвью русских», а не этносом.

Н. А. Ходорович видел рост национального сознания среди военных украинцев, понимал его и способствовал этому, но не имел права формировать полк без разрешения высшего командования. Украинская Центральная Рада и ее глава М. Грушевский отказывались решать военные вопросы. 1 мая 1917 г. «Клуб гетмана Полуботка» самостоятельно организовал на Сырецком учебном поле военный праздник «Первых цветов», на котором собрались «богдановцы» с портретами поэта Т. Шевченко, гетмана Полуботка и желто-голубыми флагами. Они организованно построились и пошли через город к Мариинскому дворцу, в котором размещались советы солдатских и военных депутатов. Н. А. Ходорович об этих событиях узнал от коменданта города генерала А. А. Цицовича и своего адъютанта Сахно-Устимовича, члена клуба Полуботка. Он отклонил предложение вызвать юнкерское училище, чтобы остановить их, и поехал на место событий. Выступление перед «богдановцами» он начал словами: «Нехай живе Украина!», признался, что сам украинец, но не имеет права формировать новый полк без приказа высшего командования. Н. А. Ходорович проявил добрую волю тем, что приказал предоставить «богдановцам» казарму и поставить их на довольствие. Эта деятельность КВО и его командующего Н. А. Ходоровича вызвали недовольство со стороны командующего фронтом А. А. Брусилова и верховного главнокомандующего М. В. Алексеева. Тот факт, что в Округе формировалась польская дивизия и чехословацкие части на глазах у украинцев, ставил командование в затруднительное положение. Они послали запрос военному министру А. Гучкову. Но 3 мая в Петрограде начались волнения против Временного правительства под лозунгом «Долой временное правительство! Вся власть Советам!»

4 мая в Киеве стало известно, что А. Гучков позволил формирование Отдельного Украинского полка из запасных частей КВО. А. А. Брусилов дал разрешение формировать Украинский полк под непосредственным наблюдением главного начальника КВО.

10 мая генерал Н. А. Ходорович поручил формировать 1-й Украинский полк командиру 524-й Рязанской Дружины полковнику Н. Глинскому, который был также головой Украинского организационного комитета. Это было одно из последних распоряжений генерала. Утомленный и истощенный этими событиями, он подал заявление об отставке. Ее сразу приняли.[9]

В ОТСТАВКЕ

12 мая 1917 года генерал от инфантерии Н. А. Ходорович, «добрый гений чехословацких воинов», был смещен с должности командующего КВО Временным правительством. На его место сразу же назначили по представлению генерала А. А. Брусилова и по выбору Совета Военных Депутатов военного комиссара при штабе КВО полковника в отставке К. М. Оберучева, ранее широко известного в России общественного деятеля «Военной Народной Воли», вернувшегося из трехгодичной высылки за границу. Он подтвердил все приказы своего предшественника, касающиеся 1-го Украинского полка.

В отставке Н. А. Ходорович продолжал жить в Киеве на Госпитальной улице в доме своей жены Елены Михайловны со взрослой дочерью Еленой и четырнадцатилетним сыном Михаилом как частное лицо, не занимал больше никаких военных должностей и избегал участия в политических событиях. Но он помогал офицерам-украинцам формировать национальный полк. 12 июня «Украинский полк им. Богдана Хмельницкого» был сформирован, но из 3 500 желающих вступить только около 500 включили в полк, а остальных отправили на фронт.

Современные историки Украины высоко оценивают заслуги Н. А. Ходоровича в создании украинской армии[10]. Временное правительство стремилось ликвидировать национальные воинские части, возникшие в ходе революции. Незадолго до боя у Зборова новый командующий КВО полковник К. М. Оберучев заявил чехословацким политическим руководителям: «У нас нет татарской и украинской армий. Не будет и чехословацкой!» Политикам приходилось доказывать, что чехи и словаки не являются коренным этносом, что чехословацкая армия создается для освобождения своей родины за пределами России. Стремление некоторых народов Империи создать свои вооруженные силы считалось проявлением шовинизма. Но бой у Зборова изменил самоуверенность Временного правительства России. Чехословацкая бригада на Восточном фронте тогда оказалась самым боеспособным формированием. Профессор Т. Г. Масарик приехал в Киев и 31 июля впервые посетил штаб КВО. Тогда уже командующим был К. М. Оберучев[11]. Сведений о встречах Т. Г. Масарика с Н. А. Ходоровичем в Киеве мы не встретили.

1 марта 1918 года Чехословацкий корпус, уходя с правобережной Украины, прошел через Киев как формирование французской армии. В город вошли войска кайзеровской Германии. Гражданская власть в городе переходила от Украинской Центральной Рады к Гетманату П. Скоропадского, а после ухода германских войск 14 декабря — в руки Украинской Директории.

Жизнь в семье Н. Ходоровича шла своим чередом. 4 сентября 1918 г. он вел к алтарю свою дочь Елену. Она венчалась с Константином Павловичем Бельговским в церкви св. Михаила Александровской больницы (она была разрушена большевиками и восстановлена в независимой Украине). К. П. Бельговский был видным киевским журналистом. В 1919 году он редактировал в Одессе газету «Сын Отечества», а с 1920 года, находясь в эмиграции в Праге, был известен как журналист-международник, в 1945 году был арестован советскими органами, депортирован в СССР, дальнейшая судьба не известна[12]. Елена Николаевна, оставшись одна, вышла замуж за инженера Василия Васильевича Верещагина, сына знаменитого художника-баталиста В. В. Верещагина. Они жили в Карловых Варах.

Заметим, что в семье Ходоровича были еще сыновья Сергей и Михаил. В 1919 году генерал оставался в Киеве. Был председателем Алексеевского комитета раненых и членом Киевского отдела Союза городов.

В августе в город вошла Добровольческая армия А. Деникина. Генерал Н. Ходорович поступил в распоряжение Главкома Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР). Осенью 1919 года с белыми он попал в Крым, откуда в ноябре 1920 года эмигрировал с армией П. Н. Врангеля.

В ЭМИГРАЦИИ

Сначала генерал Н. А. Ходорович проживал в городе Дубровнике в Хорватии. Там король Александр наградил его за заслуги при формировании Сербского добровольческого корпуса орденом Белого Орла 1-й степени. Будучи в отставке, он продолжал числиться по Генеральному штабу Российской армии в эмиграции.

В 1922 г. он переехал в Прагу, где получал небольшую субсидию от Чехословацкого правительства за помощь и участие в формировании Чехословацкого легиона в России, как тогда стали называть ЧС корпус. В связи с этим он занимал в Чехословацких военных кругах почетное положение и работал в архивах над историческими документами. Его публикации ценны тем, что автор выступает в них одновременно как участник, аналитик и историк событий. В 1928 году он издал книгу о Чехословацком войске в России на чешском языке. Она до наших дней остается ценным историческим документом[13].

31 мая 1930 г. председатель Русского общевоинского союза (РОВС), созданного за рубежом П. Н. Врангелем в 1924 году, генерал Е. К. Миллер (вывезенный в 1934 г. органами НКВД из Парижа и расстрелянный в Москве) назначил приказом №18 генерала от инфантерии Н. А. Ходоровича начальником 6-го отдела РОВС, включавшего в себя объединения военных эмигрантов в Чехословакии: Галлиполийцев, Союз участников Великой войны, Союз русских студентов, Союз Первопоходников. Среди членов РОВС происходил «конфликт поколений» — молодые генералы, активные участники белого движения в России, были недовольны тем, что руководителем их назначена по старшинству персона, не проявившая себя большой активностью в белогвардейском движении. 14 августа 1932 года генерал Н. А. Ходорович был отправлен на отдых, а отдел временно ликвидирован[14].

В 1933 г. генералу Н. А. Ходоровичу исполнилось 75 лет. Он получил письмо от генерала Сильвестра Благи — начальника Военной канцелярии президента, в котором сообщалось: «Президент республики поручил мне от его имени поздравить Вас с Вашим 75-летием. Это поручение я выполняю с величайшей радостью». К этому событию З. Рейман — политический помощник командира Чешской дружины — поместил свою статью о генерале Ходоровиче в сборнике о русских офицерах в чехословацком освобождении[15].

Скончался Н. А. Ходорович 21 июля 1936 г. в Праге после тяжелой болезни. По распоряжению президента республики Э. Бенеша покойному были отданы воинские почести, соответствующие высшим генеральским чинам чехословацкой армии. Урну с прахом установили в Памятнике Освобождения на Виткове. Позже она была перенесена на русский участок Ольшанского кладбища, в могилу жены, недалеко от Успенской церкви.

В 1937 г. посмертно в Праге вышла последняя, небольшая книга Н. А. Ходоровича «Россия — Чехословакия и война»[16]. В ней он сделал обзор чехословацко-российских отношений с 1914 года до текущего момента, высказал сожаление о длительном отсутствии дипломатических отношений между Чехословакией и СССР, предупреждал о военной угрозе со стороны нацистской Германии и высказал надежду на то, что в случае войны Советская Россия будет мощным союзником славянских государств в защите от германской агрессии.

В публикациях современных историков Украины отмечаются заслуги генерала в создании первой воинской части армии Украины[17]. В 2011 году в Киеве, в жилом районе Оболонь, установлен памятник «Военным старшинам Украинской Народной Республики и Украинского Государства». На нем среди тридцати четырех имен выгравировано имя генерала Николая Ходоровича. ■

АЛЕКСАНДР И ДИНА МУРАТОВЫ

[9] Ковальчук, Михайло. Створення 1-го Українського імені Богдана Хмельницького полку (травень 1917 року). Український визвольний рух. Збірник 13. Львів. 2009. С. 5.

[10] Там же.

[11] Kudela, Josef. Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. Praha. 1923. С. 77.

[12] Журналисты России XX—XXI. Справочно-энциклопедическое издание. ИД «Журналист». М. 2013. С. 1000.

[13] Chodorovič, Nikolaj Alexandrovič. Odbojové hnutí a československé vojsko v Rusku (1914–1917). Praha. 1928. С. 232.

[14] Перекличка. *http://pereklichka.livejournal.com/254182.html*

[15] Rejman, Zdeněk. С. 33.

[16] Chodorovič, Nikolaj Alexandrovič. Rusko — Československo a válka. Praha. 1937. 32 С.

[17] Ковальчук, Михайло. С. 6.

ВИТАЛИЙ РАУЛ
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «РУССКОГО СЛОВА»

АЛЕКСАНДР УЛЬЯНОВ: СУДЬБОНОСНЫЙ ЦУГЦВАНГ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Шесть лет спустя после убийства императора Александра II, точно 1 марта 1887 года, группа студентов университета Санкт-Петербурга совершила попытку покушения на Александра III. Местом покушения они избрали Невский проспект, где с тремя метательными снарядами, готовыми к действию, с утра ожидали проезда императора. Здесь же, на Невском проспекте, в 11 часов дня их всех и арестовали.

Директор Департамента полиции П. Н. Дурново хорошо подготовился к беседе с матерью Александра Ульянова. В соответствии с желанием императора, были отобраны некоторые особо красноречивые показания его самого, из которых следовало, что сын Марии Александровны добровольно выбрал для себя роль «паровоза» всего дела. Кроме этого, за несколько дней до встречи Дурново и Ульяновой был проведен медицинский осмотр всех подследственных с целью выявления особых примет на теле. В числе других были обследованы брат и сестра Ульяновы. Протоколы осмотров сохранились:

«Протокол от 30 марта 1887 года осмотра наружных примет обвиняемого в государственном преступлении, при чем оказалось следующее:

АЛЕКСАНДР УЛЬЯНОВ, 21 год. Рост — 2 аршина, 6 и 3/8 вершка (1 м 68,5 см); волосы на голове — черные вьющиеся; на усах и бороде — усы едва пробивающиеся, черные; глаза — черные; нос — умеренный; зубы — белые, на верхней челюсти выдающиеся; кожа на лице — белая, чистая; особые приметы на теле: две бородавки на задней части шеи и одна на груди с правой стороны, цвета темноватого.

АННА УЛЬЯНОВА, лет 22. Рост — 2 аршина, 3,5 вершка (1 м 57,4 см); волосы на голове — темно-русые, обстриженные, вьющиеся; глаза — темно-карие, большие; нос — обыкновенный, внизу широкий; зубы — белые, ровные; кожа на лице — смуглая, с несколькими родинками и бородавками; особые приметы на теле: на левом предплечье одно родимое пятно, на всем теле, на шее и руках много родимых пятен».

Осмотр дал, как видно, самые неожиданные результаты: брат и сестра Ульяновы были явно от разных отцов. В этом не было ничего криминального, но говорило о далеко не простой семейной обстановке, в которой рос и воспитывался подсудимый. Собственно, сестру Ульянова, Анну, слушательницу Бестужевских женских курсов, проживавшую отдельно от брата, задержали только для выяснения обстоятельств. По делу она не проходила и была арестована на квартире брата, куда пришла во время производства там обыска.

Показания своего сына Мария Александровна читала в кабинете Дурново, как фантастический роман, не веря своим глазам. Войти в такое дело за два месяца до получения диплома и профессорской кафедры было верхом безумия. Этот вывод собеседники искренне разделяли, но Дурново без каких-либо ухищрений объяснил Марии Александровне, что властям некогда удивляться — необходимо знать, кто и как руководил организованной группой. Для этого Дурново попросил Марию Александровну переговорить со своим заблудшим сыном и попытаться вызвать его на откровенность. Мать твердо пообещала сделать все, что в ее силах. Дурново назначил свидание Марии Александровны с сыном уже на следующий день, причем распорядился, чтобы оно проходило «в отдельном помещении, но в присутствии лица, заведывающего тюремными помещениями». На свидание отводилось целых два часа. Нет никаких сомнений — матери и сыну, по негласному указанию, дали переговорить с глазу на глаз. Свидание с сыном принесло Марии Александровне сильное разочарование: во время длинной беседы Александр наотрез отказался сотрудничать с властями и заверил мать, что все записанное в протоколах допросов соответствует действительности. Вконец расстроенная, Мария Александровна поручила своему родственнику в Петербурге М. Л. Песковскому подобрать сыну адвоката, а сама возвратилась в Симбирск. Через два часа после свидания с матерью к Александру Ульянову в Петропавловской крепости явился лично первоприсутствующий Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях П. А. Дейер и вручил ему обвинительное заключение по делу.

Родственник М. А. Ульяновой Песковский энергично взялся выполнять поручение и уже 3-го апреля написал Александру Ульянову письмо (через жандармское управление), где рекомендовал ему воспользоваться услугами присяжного поверенного Александра Яковлевича Пассовера, но ответа не получил. Тогда он обратился с прошением к первоприсутствующему ОППС Дейеру о назначении А. Я. Пассовера защитником Ульянова. Дейер отказал, так как Ульянов был уже совершеннолетним и мог сам выбирать себе защитника. Сам Ульянов никаких действий в этом направлении не предпринимал, хотя его совершеннолетие (21 год) наступило 30 марта. Песковский на этом не остановился и обратился с прошением к министру юстиции Н. А. Манасеину, причем обосновал свою настойчивую просьбу весьма своеобразно:

«…Мать Ульянова из личного свидания с сыном в крепости вынесла убеждение в психическом его расстройстве, о чем и заявила Господину Директору Департамента полиции. Назначение защитника, являющегося, между прочим, в данном случае, и единственно возможным посредником между подсудимым и его родными, — должно или рассеять убеждение, запавшее в душу матери, или оформить его легальным путем. Действительно, зная прошлое Ульянова, трудно не заподозрить нормальность умственных его способностей — так резка несообразность в том, чем был Ульянов и чем он оказался по делу 1-го марта. Человек может скрытничать, притворяться, но быть окончательно не самим собой — это уж слишком непонятно. Не в интересах правосудия оставлять мать и других близких родственников Ульянова в тягостном убеждении относительно душевной болезни подсудимого. Исходя, главным образом, из этого обстоятельства, осмеливаюсь ходатайствовать перед Вашим Высокопревосходительством о назначении указанного выше защитника Ульянову. Закон не будет обойден или нарушен в данном случае, потому что Ульянов после личного свидания с защитником будет иметь полную возможность сам отстранить защиту, если он действительно не желает ее и если желание это не есть результат душевного расстройства…

Матвей Песковский. 11-го апреля 1887 года.
С.-Петербург».

Александр Ульянов. Петербург. 1887 год.

Анна Ульянова. Петербург. 1880-е годы.

Александр Яковлевич Пассовер (1837—1910).

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и пояснить личность присяжного поверенного Александра Яковлевича Пассовера, которого настойчиво продвигал Песковский в защитники своему родственнику Ульянову. Александр Яковлевич был не просто самым дорогим адвокатом С.-Петербурга, а адвокатом для самых состоятельных людей. До того как стать присяжным поверенным (адвокатом), он успел поработать судебным следователем и прокурором, в обществе слыл джентльменом-англоманом, был известным полиглотом — знал в совершенстве все европейские языки. При своей внешней чопорности и широкой эрудиции юриста, Пассовер был совершенно лишен честолюбия, не имел ни друзей, ни семьи и избегал любой публичности. На процессах был юридически безупречен, не использовал крамольных выражений и отличался исключительно убедительной аргументацией. О его профессиональной практике ходили даже стихи:

Поверенный присяжный Пассовер —
Как адвокат отменный кавалер:
Дела в суде ведет исправно он,
Когда в процесс замешан миллион.

Адвокатский калибр Пассовера никак не сочетался со скромным бюджетом вдовы статского советника Ульянова, обремененной четырьмя детьми. Его кандидатура появилась явно извне, и ее, скорее всего, озвучил матери сам Александр Ульянов. Власти насторожились как от настойчивости Песковского, так и от явно подготовленной Пассовером линии защиты, нацеленной на умственную несостоятельность обвиняемого. Министр юстиции отказал Песковскому в его ходатайстве, но Пассовер, тем не менее, вступил в договорные отношения с М. А. Ульяновой и составлял все письменные прошения по делу, и не только Александра, но и его сестры Анны. На процессе Александр совсем отказался от защитника, так как отнюдь не собирался изображать умопомрачение, хотя бы и временное.

К процессу следствие пришло, детально восстановив всю фактическую сторону дела, но не имея никаких указаний на организатора и источник финансирования. Оставалось только поверить в новую террористическую фракцию «Народной Воли». Однако и здесь имелось совершенно очевидное противоречие: Ульянов, приняв дела у отъезжавшего в Крым

Шевырева, только в последний момент спохватился об отсутствии у так называемой фракции элементарной программы. Программу пришлось писать наспех и печатать чуть ли не в день покушения. Создавалось впечатление, что наличие Программы понадобилось кому-то, и Ульянову пришлось в последний момент выполнять это требование. Передав дело в суд, Дурново все же имел последнюю надежду на дополнительные открытия, если не на процессе, то после приговора.

Министр внутренних дел Д. А. Толстой обязал директора Департамента полиции ежедневно бывать на заседаниях суда и письменно докладывать ему все заслуживающие внимания моменты. Доклады Дурново министру с судебных заседаний сохранились и недвусмысленно показывают интерес властей к поведению и высказываниям главных персонажей. После первого заседания, 15 апреля 1887 года, Дурново сообщал министру:

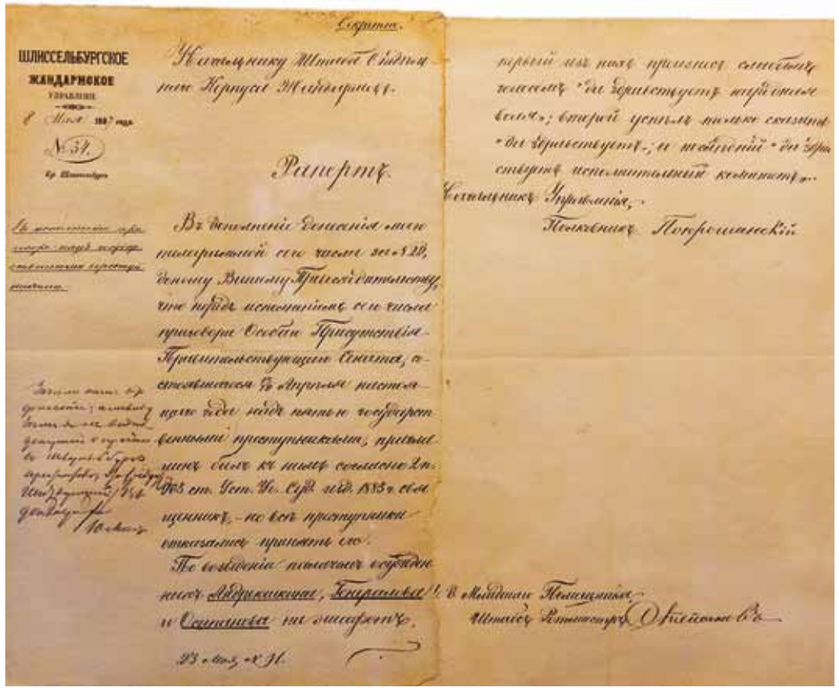
«Подсудимые допрашиваются по одному, причем остальные удалены из зала. Первым был допрошен Канчер, за ним Горкун и Волохов; все трое сознались в преступлении и дали обширные показания, в которых, впрочем, нового ничего не было. Генералов, спрошенный после них, рассказал подробно о своем участии в деле и сверх того, что уже известно, добавил, что деньги для уплаты за квартиру он получал от членов террористической фракции. В означенной квартире по Большой Белозерской улице впоследствии хранились три разрывных снаряда и до 15 фунтов динамита, переданного ему по частям Ульяновым. На вопрос Председателя, сенатора Дейера, кто именно были членами этой фракции, Генералов назвал Шевырева, Ульянова и Говорухина. Андреюшкин равным образом сознался в преступлении и объяснил, что приблизительно около половины февраля и даже раньше он приготовлял азотную кислоту по указаниям Ульянова, а затем передал все принадлежности для добывания кислоты одному лицу, назвать которое отказался. Осипанов, признав себя виновным, уклонялся от определенных ответов на предлагаемые ему вопросы и был вскоре удален из зала заседаний.

Показание Ульянова представляло несравненно больший интерес. Сохраняя свое обычное спокойствие, Ульянов рассказал… что Говорухин и Шевырев принимали деятельное участие в приготовлениях к преступлению, что деньги на путешествие Говорухина за границу выданы им, Ульяновым, и добыты посредством залога за 100 рублей принадлежащей Ульянову золотой медали, полученной им на 3-м курсе университета за сочинение. Шевырев на вопрос Председателя о виновности признал себя виновным в том, что принимал некоторое участие в деле. Данные им объяснения были, очевидно, ложны и произвели самое неприятное впечатление на всех присутствующих. Он уверял, что будто бы нуждался в деньгах для поддержания устроенной им с благотворительной целью кухмистерской; он обратился к Говорухину с просьбой ссудить ему сколько можно. Говорухин, у которого тоже не было денег, сказал Шевыреву, что имеет возможность достать деньги в Вильне и готов поделиться с Шевыревым, если последний согласится склонить Канчера поехать в Вильно за азотной кислотой, ядом и деньгами, а затем убедит того же Канчера и Горкуна участвовать в замышляемом покушении на цареубийство. Шевырев принял означенное предложение и передал Канчеру поручение Говорухина. К его удивлению, последний, не задумываясь, согласился, и Шевырев был этим настолько удивлен, что если бы разговор не перешел на дела кухмистерской, то он, несомненно, постарался бы разубедить Канчера от участия в преступлении. Приведенное краткое изложение показания Шевырева в достаточной степени доказывает его лживость».

Мария Александровна Ульянова, урожденная Бланк. 1880-е годы.

Из доклада Дурново министру видно, что уже в первый день процесса основные фигуранты, не стесняясь, показывали на Ульянова как на главное действующее лицо. Один Шевырев стоял как скала, доведя свои объяснения до полного абсурда. При этом его постоянные ссылки на Говорухина были понятны: Говорухин был в Цюрихе, и на него можно было валить любые небылицы. В докладе Дурново особо отмечалось, что «все подсудимые вели себя сдержано и вполне прилично». По его словам, порядок не нарушался и на следующих заседаниях суда: «Защитники говорили кратко и весьма прилично. Ульянов, который сам защищал себя, был дважды остановлен Председателем за теоретические рассуждения в пользу террора… В последнем слове подсудимые Канчер, Горкун, Волохов, Пилсудский и Лукашевич просили снисхождения — прочие же подсудимые ограничились заявлением, что ничего сказать не имеют; Новорусский сказал, что Правда откроется на Страшном Суде». Дурново в своем докладе не упомянул, однако, что Лукашевич в своем последнем слове сказал знаменательную фразу: «Если подвести итог всей моей деятельности, если сложить все то время, которое было употреблено на пособничество мое по этому делу, то соберется каких-нибудь два часа, которые уничтожили все мои планы, мои намерения и искренние желания».

Таким образом, из инициативной группы покушения 1 марта 1887 года пожелал объявить себя теоретиком террора под флагом «Народной Воли» один зоолог Ульянов, только что встретивший совершеннолетие в камере Петропавловской крепости. Правда, о своей приверженности «Народной Воле» заявили еще и «метальщики» — Осипанов, Андреюшкин и Генералов. Все это производило впечатление плохо разученной пьесы, где главный герой читает текст чуть ли не с листа, но билеты проданы, и надо играть пьесу до конца. Они ее и сыграли… Приговор был ожидаемым и согласованным во всех властных кабинетах — смертная казнь всем обвиняемым. Вместе с тем, суд ходатайствовал перед высшей инстанцией о смягчении участи «сигнальщикам» Канчеру, Горкуну и Волохову, а также Пилсудскому, Шмидовой, Ананьиной, Сердюковой и Пашковскому.



Рапорт коменданта Шлиссельбургской крепости Покрошинского начальнику штаба корпуса жандармов «По исполнении приговора государственным преступникам» о последних словах троих осужденных на эшафот — Андреюшкина, Генералова и Осипанова — перед исполнением приговора. Начальник штаба корпуса жандармов написал на полях: «Зачем нам эти подробности». В архивном деле имеется черновик заготовленного выговора Покрошинскому за излишнее многословие. Архив музея крепости Орешек, филиала Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

Прошения о помиловании на высочайшее имя были поданы всеми обвиняемыми, включая Шевырева, Лукашевича и Ульянова, кроме «метальщиков». В своих последних докладных записках министру, Дурново сообщает о реакции на приговор Шевырева и Лукашевича, ничего не упоминая об Ульянове: «Шевырев подал просьбу о помиловании…, где он сознался в своем преступлении и просит даровать ему жизнь. Завтра же, после объявления приговора, я вызову Шевырева к себе и постараюсь получить от него все возможное. То же я сделаю с другими подсудимыми, которые подадут просьбы о помиловании». И далее: «Лукашевич очень подавлен состоявшимся приговором, и если что знает, то, мне кажется, наверное, напишет: он упорно утверждает, что все дело было задумано и устроено Говорухиным и Шевыревым. Шевырева завтра рано утром повезут на Петербургскую сторону для указания квартиры, про которую он говорил. Все меры предосторожности приняты». Для Ульянова главным способом воздействия была признана его мать. Вновь приехавшая в Петербург Мария Александровна получила разрешение Дурново на три подряд свидания с сыном. Они встретились дважды и подробно говорили. От последнего свидания с матерью Александр отказался. По сообщению Е. Г. Бартеневой, «Ульянов не пожелал повидаться с матерью накануне казни. Нашел, что так лучше и ей, и, может быть, ему. Попросил, чтобы ему дали сочинения Гейне, его любимого писателя». Результат последних усилий Дурново был нулевой — ему не удалось получить от главных фигурантов дела никакой новой информации по делу, даже после приговора. Можно было дело закрывать.

После рассмотрения прошений о помиловании, по докладу министра юстиции, Александр III утвердил смертный приговор только пяти обвиняемым: Шевыреву, Ульянову, Осипанову, Андреюшкину и Генералову. Лукашевич и Новорусский «отделались» бессрочными каторжными работами, которые отбывали в Шлиссельбурге вплоть до амнистии 1906 года. Остальным сроки наказания хотя и были снижены, все же оставляли впечатление крайней жестокости. Дав указание на казнь пяти студентов С.-Петербургского университета 8 мая 1887 года в Шлиссельбургской крепости, император вышел за пределы здравого смысла и явно не смог одолеть чувство бессильной ярости перед теми, кто организовал все дело покушения. Александр III с самого начала определил для себя, откуда прилетел бумеранг именно 1 марта. Ему недвусмысленно давали понять, что устроить «1 марта» можно, не особо напрягаясь, так как желающие швырнуть бомбы в царя всегда найдутся, и сделают это под любым флагом, в том числе под флагом «Народной Воли», в зависимости от желания заказчика. Это пощечина царю за 1 марта 1881 года, болезненная и понятная для всего царского окружения, самым трагическим образом отразилась на судьбе пяти юношей-студентов.

Не стоит объяснять, что как следствие по делу «второго 1 марта», так и сам процесс постарались максимально засекретить и поскорее забыть. Истина, как всегда, стала пробиваться наружу много лет спустя, когда либералы России сбросили ненавистный самодержавный режим в феврале 1917 года. Доктор философии Сергей Григорьевич Сватиков, изрядно потрудившийся на ниве изменения государственного строя в России, был направлен Временным правительством в Европу в качестве специального комиссара для ликвидации дел русской заграничной агентуры. Разборка архива в Париже дала Сватикову богатый материал, который он использовал в своей известной книге «Русский политический сыск за границей» (1918 год). Книга переиздавалась даже в СССР, с грифом

Крепость Орешек
в Шлиссельбурге.
Старая тюрьма (Секретный дом).
Постоена в 1798 году по проекту
архитектора П. Ю. Патона внутри
цитадели (внутренней крепости).
Главная политическая тюрьма
Российской империи — Русская
Бастилия.
У стены растет яблоня,
посаженная в 1902 году
М. Ф. Фроленко, одним
из народовольцев. За ней —
мемориальная доска,
сообщающая, что на этом месте
8 (20) мая 1887 года были
повешены Пахомий Андреюшкин,
Василий Генералов, Василий
Осипанов, Александр Ульянов,
Петр Шевырев. Похоронены
в братской могиле за стеной
крепости Орешек, на берегу
Ладожского озера.

«Мы пойдем другим путем!» — с детства известная почти каждому из нас фраза Владимира Ильича Ульянова-Ленина. Он произнес ее, узнав о казни в 1887 году своего старшего брата Александра Ульянова, осужденного за подготовку покушения на российского императора Александра III.
Сестра Ленина Мария Ильинична Ульянова сообщила в своей речи на траурном заседании Московского Совета 7 февраля 1924 года, что гимназист Володя Ульянов, утешая плачущую мать, сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти».
Советский художник П. П. Белоусов написал картину «Мы пойдем другим путем» а 1951 году. Она стала образцом советской пропаганды для детей, обязательной иллюстрацией во всех советских учебниках.
Между тем ничего подобного Владимир Ульянов не говорил. Этот эпизод советские историки взяли из воспоминаний Марии Ильиничны — младшей сестры Ленина, которая писала их уже после его смерти. Но когда казнили Александра Ульянова, девочке было около восьми лет. Совсем иначе звучит знаменитая фраза Володи в воспоминаниях Веры Васильевны Кашкадамовой (молодой учительницы, преподававшей в 5-м симбирском приходском женском училище, директор народных училищ И. Н. Ульянов был ее наставником). Она вспоминала, что когда разговор возвращался к Саше, а это неизбежно происходило снова и снова, Володя ни разу не высказал никакого осуждения и однажды сказал так: «Значит, он должен был так поступить. Он не мог пойти другим путем».

Николай Мордиков. «Философия. Мир мудрых мыслей». ·

«для служебного пользования» в системе НКВД (1941 год). В личном архиве Сватикова оказался весьма любопытный документ, датированный 24 мая 1885 года и представлявший черновик доклада руководителя русской заграничной агентуры в Париже П. И. Рачковского Чрезвычайному и Полномочному Послу России во Франции барону А. П. Моренгейму. Сейчас уже трудно сказать, что подтолкнуло Сватикова на публикацию этого документа в Праге в 1925 году — возможно, наличие юбилейной даты. Поводом для доклада Рачковского послу послужило анонимное письмо, полученное Моренгеймом, за интригующей подписью «преданный друг Правительства». В письме посла информировали о подозрительных связях княгини Юрьевской с революционерами и якобы существующими замыслами княгини на династический переворот. Автор письма с красноречивыми подробностями демонстрировал свою осведомленность о происходящем в окружении княгини, ее обширных контактах и жаловался на бездействие парижских властей. Посол передал письмо анонима Рачковскому с просьбой разобраться. Обращение к послу было само по себе необычно — с такими вопросами все шли к Рачковскому, но в данном случае автор почему-то его проигнорировал. Уязвленный Петр Иванович разразился в адрес посла целым докладом, где кроме явных эмоций содержались и весьма рациональные соображения. Рачковский писал: «Так, например, указание на давнишнее существование политических связей между княгиней Юрьевской и русскими революционерами — положительно неверно; связи эти, если бы они действительно существовали, необходимо должны были бы выражаться в притоке значительных денежных средств у наиболее выдающихся эмигрантских кружков, чего, однако, не замечалось ни разу за все время моей заграничной деятельности». После общего обзора письма «преданного друга Правительства», Рачковский делает вполне реальное предположение: «Таким образом, если означенная Княгиня действительно питает широкие замыслы о политическом перевороте, то остается допустить невозможное, т. е. существование для этой цели самостоятельных политических кружков, о преступной деятельности которых до сих пор, по крайней мере, нашему Правительству ничего не известно». И далее Петр Иванович развивает свою мысль: «Впрочем, прямой смысл моих обязанностей исключает для меня возможность выяснить с полной определенностью действительное положение по делу Княгини Юрьевской. Для того, чтобы ориентироваться в этом вопросе, необходимо требуются значительные затраты по организации специального внутреннего и наружного наблюдения, с тем чтобы установить, способна ли Княгиня Юрьевская и окружающие ее лица на приписываемую им политическую роль». Здесь Рачковский демонстрирует свой высокий профессионализм, делает правильные умозаключения и осторожно намекает, что ничего невозможного нет, но надо платить. Одновременно Петр Иванович незаметно для себя вступил на священное поле внутрисемейных отношений Романовской семьи. Вся переписка Рачковского с послом Моренгеймом относительно Княгини Юрьевской была доложена Александру III и никаких последствий не имела. Императору отнюдь не улыбалось подключать Рачковского к делам такого высокого уровня.

Что касается двусторонних отношений Александра III с княгиней Юрьевской, то именно в это время они обострились до самой крайней степени. Княгиня в 1884 году находилась в России и, когда завершила свои дела в Петербурге, решила наведаться в Ливадию. Скорее всего, ее тянула в Крым понятная ностальгия: здесь прошло лучшее в ее жизни время с любимым человеком. Заглянула она и в Ливадийский дворец, где ей довелось провести то незабываемое лето 1880 года. Здесь и произошла последняя встреча княгини с императором Александром III и его супругой Марией Федоровной. Между монаршей четой и княгиней произошел весьма резкий инцидент, сопровождавшийся взаимными обвинениями и упреками. В своем Дневнике император так описал случившуюся встречу: «…с пристани отправились в Ливадию в дом Папа, где были встречены в комнатах Мама: кн. Долгоруковой с детьми!, просто не верится глазам и не знаешь, где находишься, в особенности в этой дорогой по воспоминаниям Ливадии! где на каждом шагу вспоминаешь о дорогой душке Мама! Вообще все наше пребывание в Ливадии нельзя назвать веселым и приятным: были тяжелые минуты, были разные столкновения, недоразумения и щекотливые объяснения, но, в конце концов, устроились наилучшим образом и надеюсь, что теперь больше не будет никаких недоразумений и что все пойдет, как следует». Разумеется, император в дневнике смягчил, как мог, объяснение с княгиней, но существа дела это не меняет — княгине было сказано, что ее пребывание в Ливадии больше не желательно. Для нее это был жестокий удар. Последующие события стали отголоском того крупного разговора, когда противоборствующие стороны обменялись прямыми обвинениями. После столкновения в Ливадии отношения княгини с императором хотя и перешли в стадию холодного противостояния, но не прекратились совсем. Многие вопросы имущественного и финансового характера еще связывали две семьи, и полный разрыв был немыслим. Другое дело, что у княгини могли возникнуть мысли о мести: за пренебрежительное к ней отношение со стороны императорской четы, унижавшее ее человеческое достоинство. Для реализации такого рода желаний у княгини Юрьевской имелась верная подруга В. И. Шебеко, энергии и уму которой могла позавидовать любая спецслужба. В целом необходимо признать, что сообщение «преданного друга Правительства» послу Моренгейму имело элементы чистой правды. Вынашиваемый якобы княгиней замысел династического переворота следует считать фантазией автора, но организация акций в стиле «1 марта» была реальной перспективой. Так или иначе, идея отмщения за разрушенную жизнь в 1885 году овладела княгиней Юрьевской. Этому имеется много других свидетельств из разных источников, анализировать которые в рамках журнальной статьи невозможно. Суть же состоит в том, что княгиня видела в Александре III главного виновника произошедшей с ней трагедии, и для этого у нее имелись веские основания.

Дело «второго 1 марта» получило совершенно новое оформление в Советской России. Сестра Александра Ульянова, Анна, стала естественным историографом судьбы своего брата и инициатором утверждения его одним из самых пламенных революционеров. В успешном решении поставленной задачи у нее нашлось сразу несколько помощников, причем из той самой «террористической фракции», которую целых две недели возглавлял ее брат. Вообще, пик интереса к этой теме приходится на 1925—27 годы, когда приближался 40-летний юбилей событий 1887 года, но первые публикации по теме появились раньше. Оставшиеся в живых Лукашевич и Новорусский освободились по амнистии из Шлиссельбурга в 1906 году и в «Былом» (№4) появилась заметка Новорусского «Как и за что я попал в Шлиссельбург». Сидельцы Шлисельбурга из государственных преступников стали массово превращаться в борцов с самодержавием. Одним словом, времена менялись, и мемуары не заставили себя ждать. Лукашевич решился на публикацию только в 1917 году, когда в первых двух номерах «Былого» появились его «Воспоминания о деле 1 марта 1887 года». Его рассказ, полный и детальный, и сегодня интересен как описание участника событий, каким-то образом избежавшего петли. Известно, что главным мотивом любого мемуариста является свой собственный портрет, выполненный в нужном для автора ракурсе. Лукашевич, в своих мемуарах применил неоригинальный прием: деталей так много, что совершенно незаметно пропала главная — его соб-

Срубовый одноэтажный дом площадью 205 квадратных метров в Алакаевке был построен в 1850 году. Имением владела с 1887 года семья Ульяновых, переехавшая в Самару из Симбирска вскоре после казни старшего сына Александра. Ульяновы перебралась в Алакаевку по предложению М. Т. Елизарова, мужа старшей сестры Анны Ильиничны, который прочитал о продаже дома в газете.
Из Самары Ульяновы уехали в Москву, продав имение в 1897 году купцу Данилину. После смерти В. И. Ленина Алакаевка была переименована в Ленинку, а в доме с середины 1930-х годов открыт музей.

ственное письмо Директору Департамента полиции Дурново, написанное им из Петропавловской крепости перед самым судом. В нем он, по существу, отрекся от какого-нибудь прямого отношения к террористической фракции, но при этом указал на ее самые существенные признаки: 1) руководитель всего дела — Шевырев; 2) деньги в организацию поступали через третье лицо по кличке «Черный». Это Лукашевич написал на бумаге — можно себе представить, что он поведал Дурново устно. Кстати, в заметке Михаила Новорусского «Как и за что я попал в Шлиссельбург» тоже не обошлось без лукавства: Новорусский не пожелал рассказать, как на самом деле Александр Ульянов оказался у него на даче в Парголово с целой химической лабораторией. Прежде всего, аренда дачи из шести комнат с отдельным входом для слушателя Духовной академии, обремененного женой-содержанкой и ее семьей, была явно неподъемной задачей. Шевырев и Ульянов спешили и денег не считали — Новорусскому сняли дачу с условием выделения Ульянову отдельной комнаты на несколько дней. Вокруг этой простой проблемы Новорусский наплел массу всяких выдумок, решая задачу своего имиджа. Ему очень хотелось выглядеть погруженным в науку простаком, случайно замешанным в революционные дела.

Приступая к созданию образа погибшего брата, Анна Ульянова уже имела перед глазами вышеназванные мемуары и. без всяких сомнений, знала им настоящую цену. В Советской России к тому времени утвердился незыблемый авторитет младшего брата Александра — Владимира Ульянова-Ленина. Действовать Анне пришлось одной, так как Владимир Ильич был занят в Совнаркоме, и если писал, то исключительно на политическую злобу дня. Анна Ильинична, сама являясь редактором журнала «Пролетарская революция», опубликовала в 1925 году отрывки из реферата сбежавшего в Швейцарию О. М. Говорухина, который он читал в 1887 году, сразу по приезде за границу, в кружках русских эмигрантов. В отношении брата Александра реферат Говорухина был вполне комплиментарный, но Анна Ильинична сочла нужным снабдить его публикацию любопытным комментарием: «Я получила этот реферат от Веры Ивановны Засулич летом 1897 года, когда приехала в первый раз за границу. Помнится, с ее слов, что Говорухин читал этот реферат зимой 1887—88 гг., а потом оставил его как материал. К сожалению, мне не удалось тогда переписать весь реферат целиком. Я выписала только все, касающееся брата Александра Ильича, а также Шевырева, — двух членов организации, которые вместе с самим Говорухиным составляли инициативную тройку заговора. В 1897 году Говорухина в Швейцарии уже не было. Он жил в Болгарии. Мне достали его адрес, и я списалась с ним из-за границы. Я просила его осветить мне ряд недоуменных вопросов как по реферату, так и вообще по процессу. Его ответного письма у меня не сохранилось. Оно ни в какой мере не удовлетворило меня. Определенного ответа ни на один из моих вопросов Говорухин не дал, а большую часть их просто обошел молчанием. Он написал, что ему тяжело вспоминать об этом „несчастном“ деле, распинался в чувстве дружбы и благодарности к брату, устроившему его отъезд за границу, в то время, как Шевырев, несмотря на обещание, денег не достал». Комментарий очень красноречив, особенно в части недоуменных вопросов Анны Ильиничны к Говорухину по процессу. В 1897 году существо дела 1 марта 1887 года было понятно Анне Ильиничне как ясный день. Сама она вела жизнь обеспеченной дамы и подолгу жила в Европе, в то время как террорист-неудачник Говорухин кое-как перебивался в Болгарии. Он так и не понял, что произошло в далеком 1887 году, и продолжал жить обидой на Шевырева, отказавшего ему в деньгах.

В 1925 году задача возведения Александра Ульянова на пьедестал борца за победу революции несколько расширилась — появилась необходимость поведать обществу, в какой семье могут вырастать борцы за свободу. В книгу о семье Ульяновых, где самым ярким эпизодом была гибель на виселице брата — юноши, увлекавшегося зоологией — Анна Ульянова вложила всю душу. Книга стала канонической на долгие годы. Анна хорошо выполнила свою работу: перед общественностью новой России встал образ дружной семьи, где отец трудился на ниве народного образования, а мать занималась воспитанием детей. Жили скромно, но не бедно. Дети учились, и учились отлично. Особые успехи в учебе показывали братья Александр и Владимир, подававшие большие надежды. Черная полоса в этой простой и безоблачной жизни наступила в 1886 году, когда умер кормилец семьи Илья Николаевич Ульянов — директор народных училищ, действительный статский советник. Он оставил после себя капитал в 2000 рублей, дом в Симбирске, где жила семья, и пенсию в 100 рублей, назначенную государством. Этих средств было явно недостаточно для семьи, где дети еще не встали на ноги. Первое время Мария Александровна была вынуждена даже сдавать половину дома в аренду. Беда не ходит одна — в марте 1887 года овдовевшей Марии Александровне пришлось выехать в С.-Петербург, разбираться со своими старшими детьми Александром и Анной, попавшими в странную, непостижимую историю. После встреч с Директором департамента полиции и свиданий с сыном в Петропавловской крепости Мария Александровна с трудом осознала, что ее старший сын Александр связан каким-то не известным ей обязательством, нарушить которое он не в силах. Это было понятно и властям, напрасно старавшимся с помощью матери убедить молодого человека пойти на откровенные признания. Однако понять, что происходило с Александром Ульяновым, можно было, только пройдя по всем перипетиям следствия и суда. Товарищи, с которыми Александр вошел в дело подготовки покушения, один за другим вышли из него, каждый своим способом: Говорухин уехал за границу, Лукашевич заявил о своем случайном и кратковременном участии, Шевырев вообще отказался от какого-либо отношения к делу. Ульянов оказался перед трудным выбором. Предстать перед судом душевно больным, как рекомендовал присяжный поверенный Пассовер, Ульянов был не в силах, имея за плечами вполне сложившийся общественный статус. Отрицание своей роли, в стиле Шевырева, превратило бы весь процесс в суд над шайкой безмозглых убийц. В таком случае, терялся весь смысл предприятия, обусловленного договором, известным только Шевыреву и Ульянову. Шевырев из договора вышел по состоянию здоровья. Последнее слово оставалось за Ульяновым. Александр нашел в себе силы и не только не уронил человеческого достоинства, но до конца выполнил взятые на себя обязательства перед неизвестными ему людьми. По существу, процесс был спасен только поведением Ульянова, открыто заявившего, что сознательно пошел на преступление ради революционной цели. Все эти перипетии, как и «Дело 1 марта 1887 года» в целом, были доступны Анне Ульяновой, имевшей при жизни В. И. Ульянова возможность получать любые документы из архивов. Обстоятельства же, возникшие после казни Александра Ульянова, остались глубокой тайной семьи Ульяновых.

Взявшись рассказывать обществу об эволюции семьи Ульяновых после трагедии с Александром, Анна Ильинична, как и ее коллега по перу Лукашевич, сообщила массу интересных деталей. В ее волнующем описании есть все: и умилительные сцены трогательной дружбы между детьми, и школьные успехи, и, разумеется, первое знакомство с Марксом, сочинения которого, собственно, и определили судьбу всех без исключения Ульяновых. Вместе с тем, Анна Ильинична пожелала почему-то опустить в жизнеописании другую эволюцию семьи после трагедии с братом Александром — материальную. Эволюция эта была не менее захватывающей, так как полностью изменила содержание жизни семьи ответственного работника народного образования.

После смерти мужа Мария Александровна, как известно, получила стартовый капитал в 2000 рублей. Потеряв старшего сына, Мария Александровна продала дом и оставила Симбирск, переехав в Казань. В мае 1887 года стараниями Пассовера освободили из-под стражи Анну Ильиничну и отправили под надзор полиции в деревню Кокушкино к ее тетке Веретенниковой.

Покончив разборки с властями, Мария Александровна делает неожиданное приобретение — покупает в Самарской губернии имение Алакаевку у золотопромышленника К. М. Сибирякова. В те времена, как впрочем, и сейчас, покупка и продажа недвижимости были общепринятым приемом отмывки денег. Суммы сделок были также договорными, и невозможно было установить, за какую реальную цену продается имущество. Во всех этих манипуляциях чувствовалась опытная рука присяжного поверенного Пассовера, владевшего всеми видами юридической поддержки, вплоть до международных банковских операций. Понятно, что мужественное поведение Александра Ульянова и его гибель получили достойную компенсацию от заказчиков акции «1 марта 1887 года», что и предусматривалось договором. Другого объяснения образа жизни дружной семьи Ульяновых, начиная с 1888-го и в последующие годы, просто не существует. Партийные товарищи Владимира Ильича Ульянова-Ленина, каждый на свой лад, ломали голову над секретом благополучия вождя и его семьи. Особенно скрупулезно исследовал этот вопрос Н. В. Вольский (Валентинов), но и ему не удалось найти реальное объяснение ресурсов действительно скромной семьи. Известный советский историк Д. А. Волкогонов так сформулировал эту научную проблему: «Могла ли вся семья, в которой почти никто не работал, безбедно жить на эту хорошую (100 рублей) по тем временам пенсию, учиться, много ездить, в том числе и за границу? Сама держательница семейных средств три раза ездила за рубеж: в Швейцарию, Францию, Швецию (два раза с дочерью Марией). Кстати, сама Мария в общей сложности ездила пять раз за границу, порой находясь там весьма долго. Старшая дочь Анна тоже несколько раз путешествовала по Европе, пробыв однажды в Германии и Франции почти два года. Дороги, отели, питание, покупки, непредвиденные расходы, неизбежные в длительных поездках, требовали немалых средств… Пенсией здесь не обойдешься». Отдадим должное умозаключению доктора философии, ведь он располагал сведениями только о пенсии в 100 рублей, назначенной семье действительного статского советника. Настоящую «пенсию» назначил своей семье «террорист» Александр Ульянов. Мимо его жизненной драмы историк Волкогонов прошел, ничего не заметив… ■

В СТАТЬЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ МАТЕРИАЛЫ:

- ГАРФ РФ, фонд 102 (Департамент полиции), опись 184, дело 47, т. 2;
- ГАРФ РФ, фонд 677, Александра III;
- РГАСПИ, фонд 11, опись 3, ед. хр. 30;
- Журнал «Былое», 1906 год, № 4; 1917 год, № 1—2;
- Журнал «Пролетарская революция», 1925 год, № 7;
- Ульянова-Елизарова А. И. «О В. И. Ленине и семье Ульяновых», М., 1988;
- Валентинов Н. В. «Малознакомый Ленин», Париж, 1972;
- Волкогонов Д. А. «Ленин. Политический портрет», М., 1994.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВ

ЗВЕЗДОЧЕТ СТРАТОНОВ

В его фамилию вшито латинское слово звезда. Astra. Анаграмма. Быть может, это и определило судьбу этого удивительного человека — прекрасного ученого, финансиста и мыслителя Всеволода Стратонова? Per aspera — ad astra. Через тернии к звездам. Античная пословица могла быть его девизом — всю свою непростую и яркую жизнь, в которой хватало и терний, и звезд, он стремился к главной звезде — Солнцу. Мы помним о нем. И в Москве, и в Праге. Через 75 лет после кончины. И 145 — после рождения.

Всеволод Викторович Стратонов. 1922 год.

АРЕСТ. ОБЫСК. ВЫСЛАТЬ...

«Стратонов Всеволод Викторович. Профессор. Астроном, 49 лет, проживает по Поварской улице, Трубниковский пер., д. 26, кв. 21. Был чиновником особых поручений при наместнике Кавказа и редактором официальной черносотенной газеты. Один из главарей <...> забастовки в университете. При приеме студентов проводил буржуазию и белогвардейцев. <...> Одно время считался своим, на самом деле, является злостным противником Соввласти. Произвести обыск, арест и выслать за границу».

Так советские бюрократы в несколько фраз уложили жизнь и научное творчество выдающегося астрофизика Всеволода Викторовича Стратонова. Обрекли его на изгнание, жизнь вдали от горячо любимой родины, вечную разлуку с дорогими его сердцу Кубанью, Одессой, Питером, Кавказом, срединной Россией, Москвой.

Так из его жизни выдрали вина Тифлиса, муромские дожди, арбатскую поземку.

Его ждали Берлин, Прага и другие города Европы, где его высоко ценили как ученого и уважали как человека.

РОЯЛЬ НА ВОЛАХ

А родился он в Одессе. В 1869-м.

Отец его Виктор Исаевич руководил знаменитой Ришельевской гимназией в Одессе и пятнадцать лет служил прокурором в Кубанской области. В 1871-м получил должность члена Екатеринодарского окружного суда и переехал с семьей в Екатеринодар.

Жизнь там была провинциальной, недорогой и непростой.

Найти квартиру оказалось нелегко. Наконец, нашелся запущенный дом, куда после изрядного ремонта вселилась семья. Взрослых смущала судьба вещей, отправленных из Одессы — новой мебели и рояля. Их везли на волах и доставили на двенадцатый день.

Рояль — да одиннадцать дней на волах, да по новороссийской дороге... и-эх! На глазах изумленного малыша Севы в дом его вносили двадцать человек. И с трудом! В том краю такой инструмент был диковиной.

В 1875 году Виктор Исаевич стал прокурором Екатеринодарского окружного суда. Но и будучи действительным статским советником — гражданским генералом — не сторонился общественной жизни: был членом Екатеринодарского общества взаимного кредита, руководил попечительским советом гимназии, снискал уважение горожан.

Страстный славянофил, он мечтал о всеславянском братстве. И привечал в своем доме «братушек» с Балкан. «Отец, — вспоминал Стратонов, — собирал для них деньги, обмундировывал, помогал устроиться в университете, посылал пособия».

В 1891 году Виктор Исаевич стал членом Тифлисской судебной палаты. И здесь было попечение о гимназии госпожи Серпинэ, руководство «Тифлисским губернским попечительным о тюрьмах комитетом».

А потом — Владикавказ, председательство в суде и чин тайного советника, по-военному — генерал-лейтенанта. И в 1903-м — высокий пост почетного мирового судьи по Черноморской губернии.

УЧЕНИК И УЧЕНЫЙ

Меж тем сын чиновного юриста рос, набирался сил и знаний. Учился в Кубанской войсковой гимназии, что на «лучшей улице в центре города» — Красной. Сейчас здесь здание администрации Краснодарского края.

Главный двухэтажный корпус, с оградой из железа и камня, имел две пристройки — квартиры директора и инспектора, «имеющих возможность постоянно наблюдать за воспитанниками...»

Учился Всеволод блестяще. Это мало сказалось на успехах его друга и соседа по парте Гавриила Чистякова, что, как вспоминал Стратонов, «любил полениться и нередко списывал классные работы у меня...» Пройдет несколько лет, и Стратонов получит при выпуске золотую медаль, а Чистяков — лишь аттестат об окончании. Но со временем далекий от наук школьный друг станет городским головой и немало сделает для Екатеринодара, например, посадит знаменитый парк — Чистяковскую рощу.

А путь золотого медалиста и сына юриста лежит в Одессу — в Новороссийский университет. Само собой — на юридический. Уже через год он разочарован в «многоглаголании по вопросам, которые казались и без того ясными». Его влечет другое...

И вот — физмат. К немалому удивлению его декана Валериана Лигина. «Обычное дело, что математики не выдерживают и уходят на юридический, — говорил он Стратонову, — но ваш обратный переход — первый в моей практике...»

Теперь его наставник — заведующий кафедрой астрономии профессор Александр Кононович, один из первых и известнейших российских астрофизиков, исследователь солнечных пятен и вычислитель орбит двойных звезд. Он — в числе лидеров складывающейся в России сильной астрономической школы — превращает Одесскую обсерваторию в астрофизическую.

В 1891 году Стратонов заканчивает университет с золотой медалью и дипломом 1-й степени. В ближайшие годы загадочное пространство вселенной так его увлекает, что после завершения учебы он первые месяцы буквально не выходит из Одесской обсерватории. Его знания и старания замечены — пытливого ученого на два года направляют в Пулковскую обсерваторию, где он стажируется под руководством ее директора академика Федора Бредихина, тоже, кстати, одессита.

А в 1894-м Стратонов едет в Ташкент. Здесь он проведет десять лет.

ЗВЕЗДНЫЕ ОБЛАКА

Ташкент, столица не так давно завоеванного Туркестана, в те годы — дальняя провинция империи. Но над Ташкентом очень часто чистое небо...

Должность астрофизика учреждена в обсерватории специально для Стратонова. Он сам составляет план работы, заказывает инструменты и... делает немало ценных наблюдений, часто используя длительные экспозиции в течение ряда ночей и выявляя с их помощью достойные изучения объекты.

Он открыл звездные облака. Сделал 400 снимков небесных объектов, в том числе около 200 звездных скоплений, 85 снимков положений малой планеты Эрот. Он наблюдал Солнце, определил скорость движения его широтных зон, о чем в 1897 году издал работу, где утверждает: у каждой зоны — своя скорость вращения. Единого закона вращения Солнца не существует.

Этот труд удостоен Императорской премии.

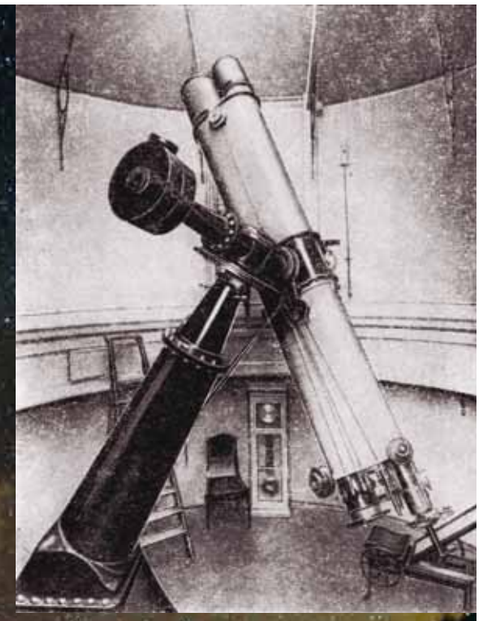
В 1901—1902 годах на французском языке выходит другая его крупная работа — «О строении вселенной», принесшая ему еще большее признание.

Из тогдашней среднеазиатской глуши мир получает послания, делающие имя Стратонова широко известным в международной ученой среде.

Тому служат «Записки Ташкентской обсерватории», выходившие на французском и доступные ведущим ученым. Они узнают, что Стратонов подверг статистическому анализу Боннское и Капское обозрения неба и вывел свой закон

Башня нормального астрографа Ташкентской обсерватории. Астрофизик В. В. Стратонов, приехавший в Ташкент из Пулковской обсерватории в 1895 году, стал первым штатным астрономом обсерватории. Им были начаты фотографические наблюдения туманостей в Млечном Пути и малых планет.

В. В. Стратонов. Солнце. Тифлис. 1910 год. Астрономическая популярная монография. Издание автора. Картины, виньетки и обложка художников О. И. Шмерлинга и В. А. Фогеля. Клише и многокрасочные иллюстрации изготовлены и отпечатаны художественным заведением Ангерер и Гешль в Вене. Одноцветные иллюстрации и текст отпечатаны типографией Т-ва «Либерман и К°» в Тифлисе. 238 стр.



Астрограф Ташкентской обсерватории, на котором работал В. В. Стратонов в 1895—1904 годах.

убывания числа звезд в Млечном Пути. Выявил распределения для 900 000 звезд и построил их карты. Установил, что наша галактика куда сложнее, чем считали Гуго Зеелигер и основатель Пулковской обсерватории Василий Струве.

Стратонов рвется к звездам. Ташкент ему тесен…

И вот, следуя скорее порыву, чем расчету, в 1904-м, сославшись на внезапное заболевание глаз, он подает в отставку и едет в Петербург. Эта порывистость, быстрые решения, действие наугад будут присущи ему всегда.

Поиски места в столице — дело непростое. Да, мир астрономов знает его имя — но в университете и в Пулково Стратонова не ждут. Он преподает в гимназиях, без особого успеха служит в государственном банке…

Но, как это бывает с людьми порыва, его выручает удача, вписавшая в судьбу ученого кульбит, забросивший его из храма науки в присутствие государственной бюрократии.

«СОЛНЦЕ» И ПЕТЛЯ

Друг его отца Яков Малама — начальник Кубанской области, человек авторитетный в чиновных кругах, особенно на юге империи — замолвил пару слов, и вот уже Всеволод Викторович гуляет по Тифлису, состоя в должности вице-директора военно-народной канцелярии наместника на Кавказе и чине надворного советника.

Довелось Стратонову потрудиться и членом Закавказского статистического комитета, и побывать в совете Закавказского девичьего института императора Николая I. Не чужд он и литературе — несколько лет редактирует ежегодные выпуски «Кавказского календаря»; но, как и прежде, его влекут небеса…

Да, монгольфьеры не уносят к звездам, но — хоть что-то… А кроме того, воздухоплавание — новый и модный спорт. И вот уже Стратонов — вице-председатель Кавказского воздухоплавательного кружка.

Другой бы на его месте радовался карьере: Всеволод Викторович — авторитет среди чиновников, статский советник, у него достойное жалование, он на прекрасном счету. Но мало кто знает, что в годы службы он не оставлял науку — работал над важнейшим ученым трудом этого периода своей жизни — книгой «Солнце».

И вот его труд завершен. И книга требует издания. Достойного — под стать труду.

Но издатели как один отказываются браться за такой проект. В годы между двумя революциями публика увлекалась, в основном, политикой, поэзией и половым вопросом — ученые труды о далеких мирах не пользовались спросом. Издатели говорили нет.

И — человек скорее отважный и романтический, чем холодный и расчетливый — Стратонов берется издать книгу на свои средства. И попадает в трудную ситуацию.

Денег на издание мало — тысяч шесть; нужно раза в три больше. Так что же — отказаться от книги, в которую вложено столько души? Нет-нет, невозможно.

И Стратонов решает издавать текст частями — небольшими томами-тетрадями по три-четыре печатных листа в каждом и распространять их по подписке, что позволит деньги, полученные от продажи одной серии, вложить в издание другой и так, как вспоминает Стратонов, «мало-помалу обернуться».

Поначалу все идет отлично. Рецензенты осыпают труд и автора комплиментами. Но покупатель не спешит. Доверие рынка к книгам, выходящим отдельными выпусками, подорвано — слишком многие из них, едва начавшись, так и не завершались. Подписчиков у «Солнца» раз в десять меньше, чем нужно, чтоб окупить расходы.

Меж тем требовалось оплатить все издание сразу: в Финляндии уже заказаны вагоны бумаги; в Вене — сотни клише и десятки тысяч иллюстраций; остановить один за другим выходящие выпуски нельзя…

Шесть тысяч Стратонова испарились. Нужно было еще десять. Причем сразу. Но их не было. Кое-что удалось взять в кредит, что-то взаймы у знакомых. Но этого мало, мало!.. Необходим был постоянный и весомый доход.

«Петля на моей шее затягивалась, — пишет ученый. — В безвыходном положении я и надумал взять на себя издание газеты „Кавказ“».

«КАВКАЗ»

«Кавказ» — официальная газета края. Газета с именем! Ее основал сам граф Воронцов — владыка Кавказа. Правда, в середине XIX века. А вот в начале века XX возглавить ее было делом не менее рискованным, чем браться за самостоятельное издание ученого труда.

Дело в том, что, заменяя губернские ведомости для тех губерний и областей Кавказа, где эти ведомости не выходили, газета при этом существовала на правах частного издания на средства издателя, бравшего ее в аренду. То есть была своего рода частным предприятием на государственном подряде. То есть Стратонову пришлось погрузиться не только в журналистику, но и в непростой издательский бизнес.

Отсюда следовало, что издатель должен был выражать взгляды власти, с которыми мог быть не согласен и вообще не знаком. Выяснялись они обычно в беседах с наместниками края. А их могло и не быть. Это вело к конфликтам издателей с властью и их «уходу с неприятной историей».

Стратонову шептали: «Вы готовите себе погибель!» А он поступал по принципу: глаза боятся, а руки делают — уж больно сложным было положение.

Да, газета приносит стабильное и немалое жалование — двадцать тысяч рублей ежегодно. Но впереди два года зависти коллег, борьбы с конкурентами, незнакомого и, в общем-то, не особенно любимого дела.

Но оно позволяет исполнить главное — «Солнце» видит свет! В 1910 году. В Тифлисе. Мечта сбылась.

Награда мечте — премия Астрономического общества. И возможность издать учебник по космографии. Он выдержит несколько изданий…

Кто скажет, что проект «Кавказ» стал неудачей Стратонова? Петля на шее не затянулась. Под его руководством газета выходила, имела подписчиков и влияние, но уж такое было время — официальный орган неизбежно делал его руководителя проводником официальной пропаганды. А общество и страна приближались к 1917 году.

Стратонов оставляет «Кавказ». Но они еще встретятся. И снова в крутой ситуации.

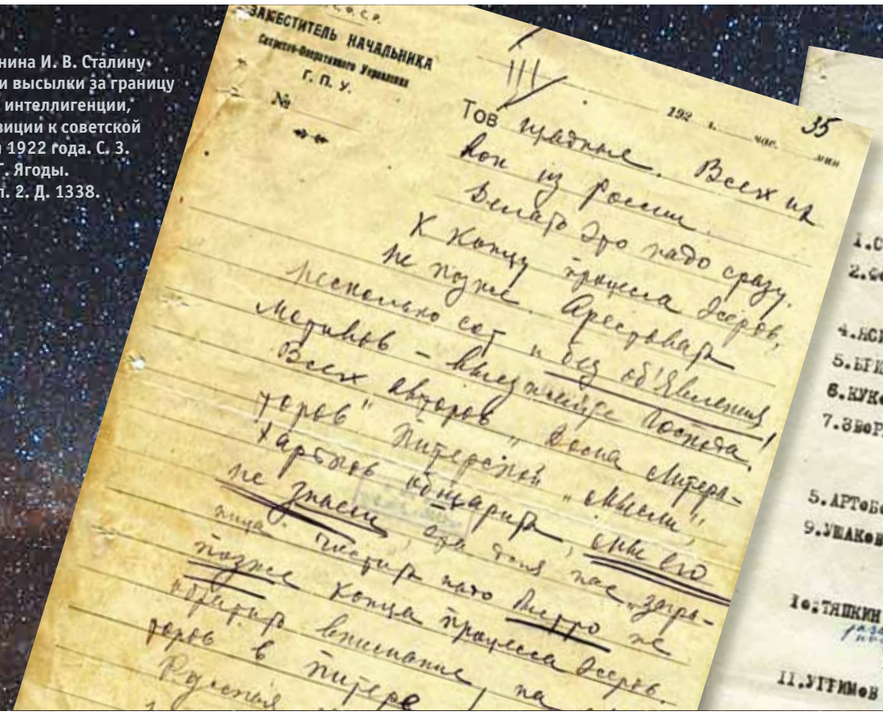
А пока Всеволод Викторович возвращается в Великороссию. Он снова в поиске. И поиск вновь ведет его в провинцию — на сей раз в Муром древний и былинный, деревянный и глухой, слово пруд, заросший тиной, где в канавах спит покой.

МУРОМ И «ЗВЕЗДЫ»

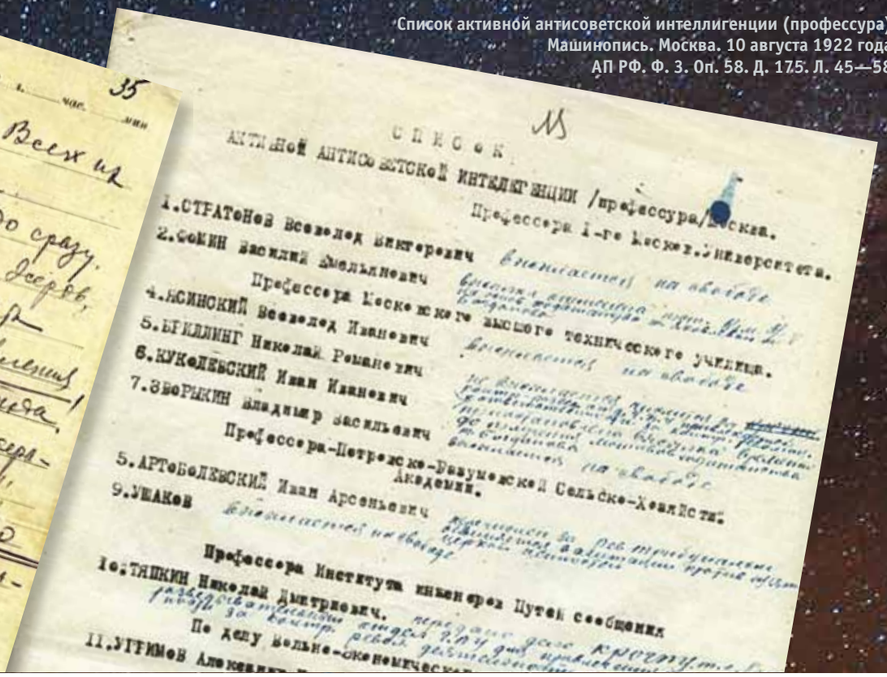
Помог прежний опыт работы по финансовой части. Теперь Стратонов — контролер в местном отделении государственного банка. Важный пост. А вокруг — беда. Глубь и темень беспросветная.

Да, в городе имеется водопровод, железная дорога и вокзал, возведенный по проекту славного Щусева. Но, пишет Стратонов, если тут и случались перемены, то их «можно было бы заметить, только сравнивая между собою столетия. <…> Осенью и весною, когда таял снег или лил дождь, улицы Мурома представляли собою нечто невообразимое. На местах, где в других городах устраивались тротуары, часто росла трава, паслись коровы или искала корму домашняя птица».

Группа членов оргкомитета и сотрудников Главной российской астрофизической обсерватории. В. В. Стратонов сидит в центре. Москва, 1922 год.
Иллюстрация из статьи:
Бронштэн В. А. Изгнание В. В. Стратонова.
Природа, 1991, №1, с. 124—128.



Письмо В. И. Ленина И. В. Сталину о необходимости высылки за границу представителей интеллигенции, стоящих в оппозиции к советской власти. 16 июля 1922 года. С. 3. Копия рукой Г. Г. Ягоды. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1338. Л. 1. Автограф.



Список активной антисоветской интеллигенции (профессура). Машинопись. Москва. 10 августа 1922 года. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 175. Л. 45—58.

— Как же это у вас в городе улицы не мощеные? — спрашивал привыкший к тбилисской брусчатке и питерской панели чиновник госбанка статский советник Стратонов бородатых, родовитых, тысячелетних купчин — «отцов города».

А те в ответ, сильно окая:

— Ни к чему это. У нас свои лошади есть. Мы не ходим!

Муром был истинным кладезем русской старины. Но купеческий, торговый дух города и история жили в разных измерениях.

Если о ком здесь и помнили, то об Илье Муромце, что «из того ли из села да Карачарова». И то потому, что тот незнамо сколько лет сидел на печи, а пришла пора — дык развернулась рука, раззуделось плечо — и насвершал он подвигов по самый купол Ивана Великого. И к лику святых стал причислен.

Так и мы, — рядило именитое купечество, — посидим, поживем, ситный пожуем, поднакопим капитальцу (даже самые весомые дельцы — Суздальцевы, Мяздриковы, Тагуновы да сам Зворыкин-глухой — ездили в Москву, Владимир да Нижний по «чугунке» третьим классом), а как придет пора — так держись, супостаты!

Так и вышло. Немало земляков Муромца отличились. Многие и головы сложили: кто — на германской, а кто — в братоубийстве…

До них осталось недолго. А пока в городочке тишь да покой. Общественной жизни — ноль. Попытка выступить в Муроме, ну скажем, с публичной лекцией говорила бы о полном незнании обстановки и завершилась бы плачевно. За отсутствием слушателей.

Уж больно мало было в городе не то что интеллигенции, а просто прилично образованных людей. Немногие чиновники, учителя да дворяне с уездным предводителем — вот, пожалуй, и все. Остальное — купечество. Да и вовсе безграмотное простонародье. Люди с высокими культурными запросами и стремлением к знанию имелись. Но были почти незаметны. Средь них — купеческий сын Владимир Зворыкин, будущий изобретатель телевидения. Как раз в год приезда Стратонова он решил продолжить образование — в Коллеж де Франс в Париже. Так они и не встретились.

А в центре жизни простых муромцев стоял базар — средоточие большинства их смыслов и стремлений. И стремления-то были на редкость скромные.

Как-то Стратонов, полюбивший на Кавказе вино, зашел за ним в лучший магазин бакалеи. Назвал сорт, другой, еще… Не нашлось. Имелись либо сладкие, либо дорогие. Он, было, спросил: да что у вас в Муроме — только одну водку и пьют? Приказчика вопрос несказанно подивил. И — нежданно для автора — стал местным афоризмом. Полгода, проведенные в Муроме, он то там, то сям его слышал. И неудивительно: ведь город, где центр жизни — базар, слышит каждое слово.

Что ж, в Муроме водку пили досыта. В положенные дни перед винной лавкой возникал огромный хвост, а улицу заполняли телеги, ожидавшие хозяев…

Туго пришлось Стратонову и на службе. Не сработался с начальником. А точнее — с его женой, властной и своевольной могилевской купчихой, вертевшей мужем, а с ним и банком, как хотелось. Вечные интриги, дрязги, кляузы, ревизии измотали астронома.

— Грустная обстановка! Куда же меня забросила судьба и за что? Какая-то смрадная лужа, — тоскует он. Одно выручает: размышление, чтение и писание. О Солнце и звездах.

И — заслуженная награда за скорби: выходят его учебники «Космография», «Сокращенный курс космографии» для женских гимназий и духовных семинарий, научно-популярная книга «Здание мира». А в 1916-м набраны «Звезды» — его важнейшая книга этого периода.

Но февральская революция и октябрьский переворот задерживают издание. И текст, заслуженно премированный Русским астрономическим обществом, выходит лишь в 1919 году — в разгар роковой для Всеволода Стратонова Гражданской войны.

«ГЛАВАРЬ»

Сказать, что Всеволод Викторович отверг революцию, нельзя. Но и не поддержал.

Как и тысячи интеллигентов — людей искусства, писателей, ученых — он пережил шок, тяготы и лишения жутких первых лет катастрофы. Не умер с голоду. И с холоду не околел на улице, таща оледенелое бревно для печки-«буржуйки». Не попал на штык пьяного матроса в октябре. И под пулю озверевшего чекиста — в «красный террор».

Кто знает — как? Может, вывезла кривая?

Иль наука помогла?..

Стратонов — профессор Московского университета. Читает астрономию. Плюс — заведует физико-математическим отделением Главной государственной библиотеки и консультирует Наркомат просвещения по выпуску научной литературы.

Ему — под пятьдесят. Славный возраст для воплощения идей. И, вроде бы, новая власть обещает: поможем!

В 1919-м выходят «Звезды».

А в 1920-м Стратонов предлагает создать на юге большую астрофизическую обсерваторию. Его поддерживают видные астрономы и научные организации.

Ученый совет Наркомпроса утверждает оргкомитет Главной Российской астрофизической обсерватории (ГРАФО) с ним во главе. В 1921 выходят «Труды ГРАФО». Проекту мешает Гражданская война, и оргкомитет преобразуют в Российский, затем в Государственный астрофизический институт **[1]**.

Все, вроде, неплохо.

И живет Стратонов в высоком доме в Трубниковском переулке.

Но жизнь его схожа с жизнью профессора Преображенского из «Собачьего сердца» лишь отчасти. Тому хоть и пришлось несладко, но — проще. Поприще другое.

«Этот дом, — вспоминал Стратонов, — <…> был передан в ведение союза научных деятелей. Но в „профессорский“ дом большевистская власть насильственно вселила два десятка красноармейцев — конюхов соседних кавалерийских курсов. Большие это были нахалы! Пришлось разместить эту орду, к тому же еще и привередничавшую, по разным квартирам… Жизнь в таких квартирах оказалась вконец отравленной».

Тем временем зреет конфликт в университете.

В 1920 году Стратонов избран деканом физико-математического факультета. Он снова чиновник. На сей раз советский. И вынужден следовать указаниям руководства. А оно требует, чтобы университет работал, но при этом вводит новый устав, сводящий на нет гордость вуза — его автономию, не умеет обеспечить лаборатории приборами, платит и так недоедающей профессуре смехотворно низкое жалование.

Вспомним Владимира Маяковского:

…Ученому хуже:
фосфор нужен
масло на блюдце.
Но как на зло,
есть революция,
а нету масла… **[2]**

[1] В 1931-м его «вольют» в Астрономический институт им. Штернберга при МГУ. А проект Южной обсерватории будет реализован в виде Крымской астрофизической обсерватории, созданной в 1945 году.
[2] Фрагмент поэмы В. Маяковского «Хорошо».

Профессорско-преподавательский состав Русского научного института в Берлине. 1923 год.
В. В. Стратонов — третий слева в первом ряду.

Русские эмигранты в Чехословакии, участники Збраславских пятниц. 1924—1925 годы.
В. В. Стратонов — третий справа в последнем ряду.

Ну не было у ученых масла. Как и забубенной лошажьей ноги, что поэт обещал в поэме «Хорошо». Вобла была. Хлеб. Чай морковный.

И презрение власти.

Презрение возмутило. Возмущение родило протест. Протест вылился в забастовку.

В феврале 1922-го декан Стратонов возглавляет забастовку преподавателей МГУ, вызванную резким ухудшением условий работы. В ней участвуют известные ученые: академик Александр Павлов, профессора Владимир Костицын, Карл Круг, Леонид Рамзин.

Делегация забастовщиков во главе со Стратоновым направляется к зампреду Совнаркома Александру Цюрупе. Их принимают, а требования рассматривает особая комиссия Луначарского. Ученых вызывают на заседание Совнаркома, а условия работы несколько улучшают.

Казалось бы — победа! Но нет — иллюзия.

В докладной ГПУ Политбюро ЦК РКП (б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции» сказано:

«Контрреволюционное студенчество и профессура <...> стремятся к воцарению в высшей школе принципов, отвечающих их политическим воззрениям. На этой почве <...> ведется упорная затаенная борьба <...> за гегемонию профессуры в высшей школе <...> наши противники не стесняются в средствах <...> Сознавая свою силу (благодаря малому количеству красной профессуры), контрреволюционные элементы <...> создают почву для воспитания студенчества в антикоммунистическом и в антисоветском духе. Положение <...> требует принятия ряда решительных мероприятий по прекращению и предупреждению контрреволюционных выступлений профессуры».

И в августе 1922 года за Стратоновым приходят.

Ленин с интеллигенцией не церемонился. Писал Дзержинскому 19 мая 1922 года: «т. Дзержинский! К вопросу о высылке <...> профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. <...> Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей. <...> Это, я думаю, почти все — законнейшие кандидаты на высылку за границу. Все это контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих „военных шпионов“ изловить, и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу. Прошу показать это секретно, не размножая, членам Политбюро, с возвратом Вам и мне, и сообщить мне их отзывы и Ваше заключение. Ленин».

«Железный» с заключением поспешил. Его вы прочли в начале очерка... Документ завершается словами: «Как научная величина ценности не представляет. Комиссия с участием тт. Богданова, Середы, Хинчука и Лихачева высказалась за высылку. Главпрофобр за высылку».

Итак: «ценности не представляет»...

Плевать на достижения, на доверие коллег, избравших его профессором и деканом, на организаторский талант...

Часть справки — фальшивка: управляемый Стратоновым «Кавказ» черносотенной газетой не был.

Есть версия, что справка — работа Вартана Тер-Оганезова, астронома по образованию и партийного функционера по призванию, печально известного участием в гонениях на коллег. Астроном Виталий Бронштэн вспоминает, что в 1940-х Тер-Оганезов хвастал, что в 1920-х «боролся со Стратоновым».

В постановлении о высылаемых от 10 августа 1922 года Стратонов стоит под № 1 в приложении 2 в рубрике «Профессора I Государств. университета».

И вот Всеволод Викторович — на борту «философского парохода».

БЕРЕГ

Пароход причалил в Штеттине.

В эмиграции Стратонов был не менее успешен, чем в России. Он принял участие в создании Русского Научного института в Берлине и недолго преподавал в нем. А после, по призыву президента Масарика прибыв в Чехию, нашел пристанище в Збраславе и Праге, где, получив гражданство, трудился до конца дней — в Русском народном университете и в Высшем техническом училище. Читал лекции по астрономии в Эстонии, Латвии и Литве.

На русском, чешском и немецком языках вышел ряд его научно-популярных книг, а также учебники — «Космография» и «Сокращенный курс космографии», ставшие на долгие годы самыми популярными. Последние годы жизни он посвятил обработке результатов своих наблюдений малой планеты Эрот, которые выполнил в Ташкенте в начале века, а также подготовке к печати материалов лекций по астрономии.

Но, будучи погружен в ученые изыскания, Всеволод Викторович, как и прежде, интересовался общественной жизнью и организовывал ее.

Это он стал одним из застрельщиков знаменитых Збраславских пятниц, столь популярных среди русских изгнанников и гостеприимных чехословаков.

Это он в 1926-м предложил учредить Русский культурный кружок в Ржевницах. И он был создан, объединив русских, армян и калмыков. Кружок провел десятки музыкальных встреч и концертов; среди них — вечера армянских и калмыцких народных песен и танцев.

Это он активно участвовал в работе кружка в Черношицах, всякий раз неся с собой энергию и оживление. Там с докладами о литературе, истории и философии выступали видные беглецы из России.

Это он в 1933-м редактировал газету «Зарница», писал очерки и мемуары и даже занимался финансами — надеясь использовать свой опыт в этой области, основал банк «Чешско-Русское единство». А потерпев неудачу, стал консультантом.

Но в 1925-м Всеволод Викторович пережил тяжкий удар — потерял свою любимую дочь. Рано оставившая его Тамара Всеволодовна, которой два месяца как исполнилось 27 лет, покоится на Ольшанах. Вслед за ней ушла и супруга профессора — Евгения. Их общую могилу найти несложно. Если, конечно, знать, что она близ Успенского храма.

Краткий некролог Стратонова в газетах гласил: «Смерть наступила от выстрела в голову из револьвера».

Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. В голову. Из револьвера.

Как, почему — не нам судить.

Он много умел и многого добился. Всю жизнь стремился в небеса. И взором и мыслью. Тысячам своих коллег, студентов и читателей он дарил планеты, солнце и звезды. Небеса, о которых мечтал. И — ушел в мечту.

За могилой Стратоновых ухаживает общественная организация «Русская традиция». Родственников найти не удалось. ■

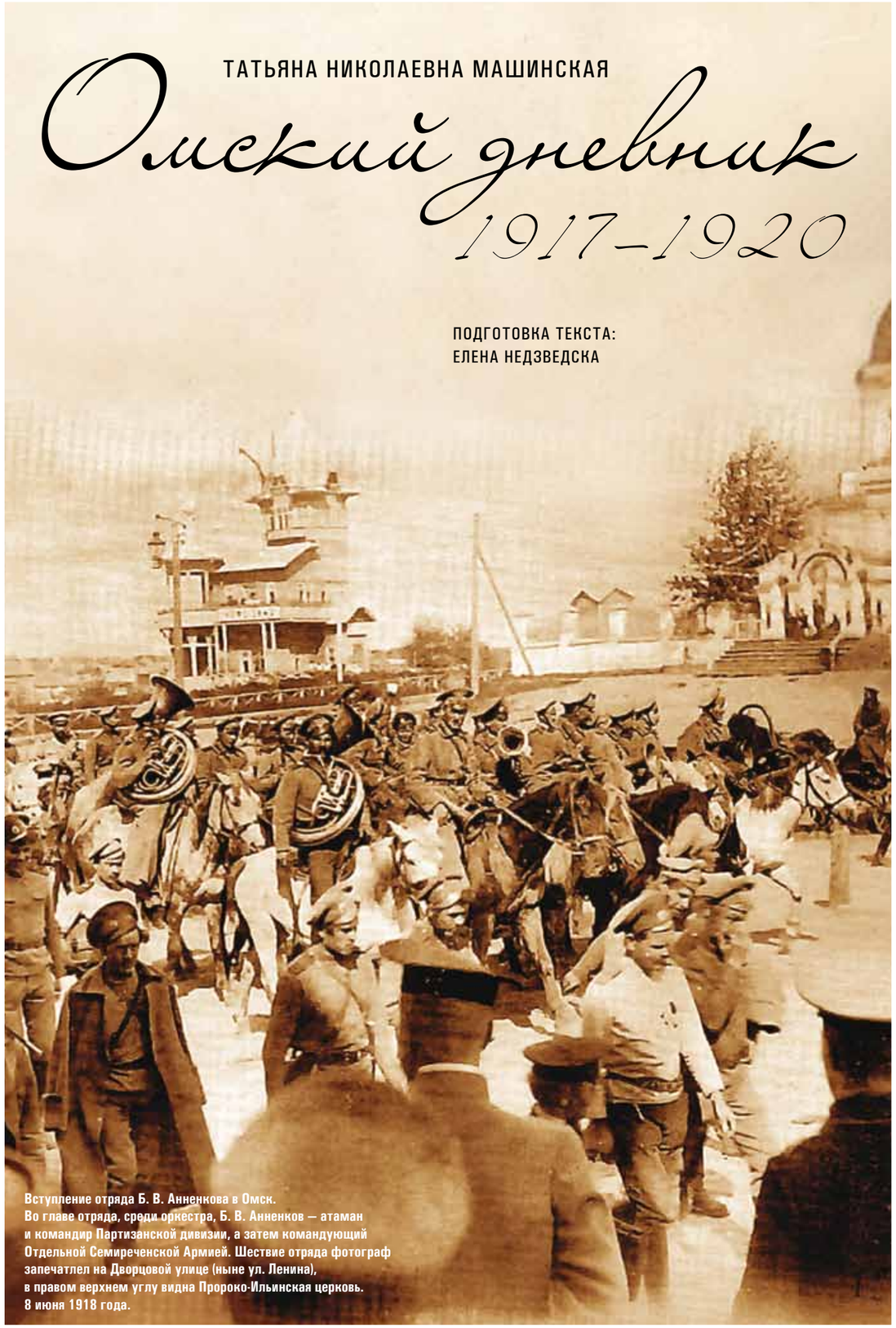
ПРИМЕЧАНИЕ

Благодарим заведующего кафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского госуниверситета профессора Юрия Лучинского за выписки из воспоминаний В. Стратонова «По волнам жизни», поступивших в Русский заграничный исторический архив в Праге и вывезенных в 1945 году в Москву, ныне хранятся в ГАРФ.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА МАШИНСКАЯ

Омский дневник 1917–1920

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА:
ЕЛЕНА НЕДЗВЕДСКА



**Вступление отряда Б. В. Анненкова в Омск.
Во главе отряда, среди оркестра, Б. В. Анненков — атаман и командир Партизанской дивизии, а затем командующий Отдельной Семиреченской Армией. Шествие отряда фотограф запечатлел на Дворцовой улице (ныне ул. Ленина), в правом верхнем углу видна Пророко-Ильинская церковь. 8 июня 1918 года.**

Татьяна Николаевна — дочь тарского и омского купца 1-й гильдии Николая Николаевича Машинского. С ранних лет вела дневники, в которых запечатлела Омск дореволюционный, Омск Временного Сибирского правительства и дорогу в поезде с частями Чехословацкого корпуса по Транссибирской магистрали. Жила в эмиграции в Праге.

ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО В № 7–8/2014

КАЗАЧЬИ ОФИЦЕРЫ

В доме у нас поселились товарищи Сережи — казачьи офицеры, Николай Васильевич Рыжков и Константин Парфентьев. Последнему нравится Люля, такая, какая она есть — естественная, простая, спортивная. Он сам внешне мужественный и боевой человек широких степей и просторов, высоких гор, родом откуда-то с Алтая. В нем чувствуется избыток сил. Такой человек знает, что хочет, идет он своим прямым путем, не мудрствуя лукаво. Парфентьев моложе и саженного роста, в плечах широк. Такому богатырю опасность не страшна, война — это его стихия. Он рожден носить шашку и ездить на коне. Парфентьев по натуре весельчак, шутит и смеется со мной и Люлей. «Знаете, — говорит он Люле, — я хотел бы проникнуть во все тайны этого дома, хотел бы также знать, чем полна ваша жизнь, поверхностного наблюдения мало». «Ну нет, — отвечает Люля, — мы вас в тайны нашего дома все равно не посвятим. Это табу, это наше святая святых, наш особый мир, и вам в него все равно не проникнуть. Даже не пытайтесь!» «Поживем — увидим», — не сдается Парфентьев, лукаво щуря свои блестящие монгольские глаза и подтягиваясь, желая понравиться Люле.

Николай Васильевич Рыжков — человек в другом роде. Это стройный блондин с правильными тонкими чертами лица и голубыми ясными глазами. Он окончил кадетский корпус, собирался поступить в Военную Академию, но война с немцами, а затем гражданская, нарушили все его планы. Личной жизни у него не осталось: без родных, без дома, он оказался один на целом свете. Все силы, все стремления своей души он посвятил своему полку. С ним он был на фронте, в нем, благодаря его цельному и сильному характеру, ему удалось сохранить дисциплину, и вот теперь в своей полной готовности его полк борется против большевиков. Оба офицера живут у нас, но с раннего утра — в полку, где проходят строевое ученье и несут караул.

Рыжков и Ляля познакомились ближе. Несмотря на свою застенчивость, Николай Васильевич краснеет как девица, он подолгу с ней беседует в коридоре или оба гуляют в саду. «Вы, Ольга Николаевна, любите кататься верхом? Знаете, у нас в полку есть чудесная верховая лошадь, чистокровная арапка». И вот не прошло и трех дней, как Ляля получает от Николая Васильевича лошадь и седло английское с серебряными стременами. Анна Васильевна сшила ей шерстяную синюю амазонку, в которой она выглядит очень привлекательно. На голове у нее маленькая треуголка, на шее кружевное жабо. После обеда эта молодая пара уехала верхом прокатиться в загородную рощу.

Сережа за обедом нахмурил свои густые брови, потом лицо его приняло иное выражение, он весело на меня посмотрел и говорит: «Знаешь, Танюша, ты завтра после обеда будь дома и выходи на крыльцо, я тебе приготовил сюрприз». «Какой сюрприз? Скажи, Сережа, иначе я всю ночь глаз не сомкну!» «Узнаешь завтра…» Сережа неумолим, я его характер знаю. На другой день утром ярко светит солнце, счастливый день, солнечные лучи сначала освещают карниз окна, потом проникают в комнату, падают на пол, ползут по потолку. На улице гортанно кричит «ходя» китаец, он не то что-то продает, не то покупает старье. Оживленно щебечут птицы, и нет никакого желания оставаться в постели. Однако, что мне сегодня надеть? Желтое или вот это белое с высокой талией, или же кисейное в цветочках, и какой бант в волосы — белый или голубой?

Люля ждет меня за завтраком, медленно, со вкусом намазывая булку маслом, как будто совершая какой-то священнодействующий ритуал питания собственной особы. Но разве можно так много внимания и времени посвящать завтраку, обеду и ужину, когда вас ждут неотложные и интересные дела?

Я бегу в сад с террасы, прыгая через две ступеньки. Губерт Иванович — гувернер Гоги из военнопленных. Так мы и не знаем, кто он: немецкий чех или чешский немец — во всяком случае, воевать в чешских легиях против большевиков он, по-видимому, не собирается. Колю и Гогу он незаметно, но решительно взял в свои руки, и если, например, Коля порой разойдется и по старой памяти замахнется на меня ракеткой, досадуя, что проиграл, Губерт Иванович только убедительно скажет: «Не делайте этого, Микулай», — как он сейчас же опускает занесенную руку и ему подчинится беспрекословно. И Гогу нельзя узнать: утром он обтирается холодной водой и делает сокольскую гимнастику. И с тетей Олей не спорит, на «Гогочка, скушай котлетку» его «не хочу» уже не слышно.

Губерт Иванович сидит на скамейке у фонтана, где Гога, подобрав штанишки, бродит и пускает целую флотилию, которую папа назвал «Бродись, да не простудись».

«Губерт Иванович, как вы думаете, какой сюрприз мне приготовил Сережа?» «Я думаю, — медленно подбирая слова, говорит Губерт Иванович, — он возьмет вас и м-ль Люлю на прогулку и потом в кондитерай». «Ну нет, этого было бы мало», — отвечаю я и отхожу от Губерта Ивановича.

На круглой клумбе распустились цветы, и на солнце ковер цветов горит всеми красками и благоухает. Мама вся в белом выходит на террасу и зовет меня к себе. Бегу в дом, предчувствуя что-то приятное. «Вот, Таня, это тебе…» Разворачиваю пакет — настоящее шелковое кимоно, вышитое бабочками и цветами. «Спасибо, мама, какая прелесть!» Я примеряю его в маминой спальне. «Носи его на здоровье, оно тебе пригодится», — говорит счастливая моей радостью мама.

Обед для меня тянется медленно. За столом нас много, и своих, и чужих, которые быстро входят в семью и не считаются уже чужими. После обеда все расходятся по комнатам и наступает тихий мертвый час. Дом утихает, но я напряженно смотрю на стрелку часов, вот и два часа, назначенные Сережей, выхожу на крыльцо, но никого и ничего на улице не вижу, однако вскоре замечаю, что вдали кто-то скачет на коне и держит в поводу чудесную лошадку. Это Сережин ординарец, но неужели лошадь мне! Они останавливаются у крыльца: «Вот вам Сергей Николаевич приказал передать кобылку…». Смотрю и глазам своим не верю. Какая красавица! Вся подобранная, поджарая, головка с белой звездочкой на лбу, маленькая, ножки тонкие, изящные, масть дымчатая. «Что же, лошадка хорошая, — говорит казак, разделяя мое восхищение, — породистая, призовая, англо-арабка, первый сорт». «Как зовут ее?» «Таисья, Сергей Николаевич сказывали, Таись, в честь, стало быть, греческой богини и назвали их его благородье». Идем во двор и вместе с ординарцем помещаем ее в стойло рядом с Тузом. Так вот оно какое мне самое счастье привалило. Теперь только получить седло и растормошить Анну Васильевну, чтобы скорее мне сшила амазонку. Какой у меня чудесный брат и как он меня любит! Но разве все это я заслужила, разве я особа какой-нибудь редкой ангельской доброты и золотого сердца, и за что мне так хорошо и радостно живется?!

Вот и верховой костюм готов и бережно руками Анны Васильевны разложен на постели. Сначала я надеваю белую полотняную блузку с синим галстуком, затем рейтузы и сверх всего синий костюм с юбкой с разрезом, чтобы было удобно и «прилично» выглядеть в седле, на ногах у меня высокие шнурованные ботинки, а на голове круглая бойскаутская шляпа с ремешком. Стек беру Костин: если Сережа мне подарил лошадь, то Костя при виде своего стека в моих руках обязательно великодушно скажет: «Если он тебе нравится, можешь его себе оставить» — уж я Костину широкую натуру знаю.

Повертевшись перед зеркалом и спрятав волосы под шляпу, бегу во двор, где меня поджидает Ляля на своей красивой Искре. Мы собираемся покинуть двор, но в это время из сада выходит Губерт Иванович: «Подождите минуточку, я хочу украсить ваших лошадей». Каждой лошади в уздечку он вставляет по цветку, хлопая лошадь по шее — и, наконец, мы выезжаем на улицу. Из окон кухни нам машут повар-чех Василий Васильевич и Фрося.

Николай Васильевич и юнкер Павлик Кизин на своих лошадях нас поджидают на улице. Едем рысью сначала по мостовой, все дальше от шумных улиц, затем по немощеной улице, и, наконец, строения остались за нами, и мы попадаем в прохладную рощу. «Теперь попробуем галоп», — вносит предложение Ник, и в один миг они с Лялей скрылись из виду. И я пущу свою Таись в галоп. Как хорошо она скачет, ветер обдувает лицо, мелькнула лужайка, белые стволы берез. Сзади тяжелый галоп и дыхание Воина, им пользуется юнкер Павлик Кизин. Это конь Володи, и если он им не пользуется, то на нем ездит Павлик. Мы едем тесно, рядом по узкой дороге. «Теперь перейдем на рысь», — вношу я предложение и чуть-чуть тяну за уздечку. Таись, милая, как ты послушна, как меня понимаешь и как плавно ты бежишь, совсем без тряски, своим длинным, красивым аллюром. Потом опять мы едем шагом. Я похлопываю ее нежно по шее, и она в ответ вздрагивает и шевелит ушами. После прогулки я обязательно тебя угощу сахаром, радость моя, Таись. Лялина Искра недобрая, она часто косит своим черным глазом на седока и уже несколько раз пыталась Лялю укусить. Вчера ей удалось сбросить Лялю на землю, хорошо, что падение ее окончилось благополучно, только вот мизинец опух и побаливает. Ник недоволен Искрой и советует Ляле ее хорошенько побить. Вернулись поздно, когда начинало темнеть и на улице зажигались фонари.

Приехали, соскочили на землю и передали лошадей Егору Александровичу. Чуть-чуть болят колени с непривычки.

ЛЕГИОНЕРЫ-ЧЕХИ

В одно время с освободительным отрядом Аненкова и Красильникова в наш город пришли чехи. В Киеве они сформировались в эшелоны и по всей России, перевалив Урал, поехали по Сибири, держа направление на Восток, с целью морем вернуться на родину. На своем пути столкнувшись с большевистскими отрядами и преимущественно превосходя их силой, они вступали в бой, помогая добровольческим частям освободить Казань, Самару, Ростов. Под Омском на станции Мариновка разгорелся горячий бой, убитыми и ранеными потерпели обе стороны. Чехи одеты в русскую форму, на голове у них кепи с красно-белой, их национального цвета, ленточкой, на ногах обмотки и штиблеты. Вид у них цветущий и выглядят они лучше и упитаннее наших добровольческих частей. По-видимому, они очень хозяйственные и умеют организовать вопрос питания и жизненных удобств. Их теплушки пестро разрисованы: то видом Праги, то покровительницы чешского народа Либуши в белом одеянии, распростирающей руки, благословляя чешскую землю и свой народ, и, наконец, полководца Жижки на белом коне, с черной повязкой на левом глазу. Он как бы возглавляет войско после битвы с немцами на Белой горе. Многие из них уже хорошо говорят по-русски, население к ним относится по-дружески, видя в них своих освободителей — славян.

СОКОЛЬСКИЙ ПРАЗДНИК

Сегодня сокольское выступление чехов. Творец организации «Сокол» — Тырш, этому спортивному объединению он когда-то придал окраску национально-политическую. Стройными рядами выстроились сокола в своих белых майках, окаймленных красным кантом, в синих брюках. На возвышении всего несколько руководителей соколов, которым беспрекословно подчиняется это людское поле. Сильным взмахом руки поднимаются на воздух, блеснув на солнце, протягиваются то вправо, то влево, затем сокола падают на траву, вытянувшись на руках и на носках, поднимая

Ляля и Коля на конной прогулке в Загородной роще. Омск, 1919 год.

то одну, то другую ногу, они вскакивают на ноги как одно гармоничное тело, одна душа и воля, снова упражняются, составляя фигуры в самых разнообразных вариантах. Мускулы в движении, широкая грудная клетка вдыхает и выдыхает свежий полевой воздух. Тело атлета озарено лучами солнца. Оркестр заиграл «поход», сокола выстраиваются и под шумные аплодисменты покидают спортивное поле. Закончились упражнения на кольцах и параллельных брусьях, закончился спортивный праздник, публика расходится и разъезжается в разные стороны.

Мы с майором Кошек, charge d´affaires der la Republique Tchechoslovaque, так официально гласит его визитная карточка. Для нас он просто Иосиф Ярославович. Внешне он очень привлекателен и высок ростом, блестящие черные волосы красивой волной зачесаны назад и открывают умный лоб. Глаза у него стальные, волевые, полные жизни. Черты лица у него красивы, пожалуй, за исключением плотоядного и лукавого рта. Майор Кошек образование закончил в Париже, владеет хорошо английским и русским языком, человек обаятельный, светский, тип дипломата, перед которым открыта карьера. Он очень нравится женщинам, знает это, любит общество женщин, становится в нем остроумным, выделяется среди мужчин, которые часто в его присутствии теряют и становятся замкнутыми.

Гостеприимное русское общество, как широко оно открыло двери своих домов, открыло душу, открыло сердце. Живите у нас, будьте как дома, пользуйтесь всем, чем пользуемся и мы. Нам ничего не стоит потесниться, лишь бы вам было у нас хорошо и удобно. Папа уступил свой кабинет майору. Утром Фрося на серебряном подносике, в серебряном кофейнике подает ему кофе, после завтрака Иосиф Ярославович уходит по своим делам в канцелярию, а вечером к ужину приходит домой — своим ключом открывает парадную дверь, раздевается в прихожей, поправляет волосы и тихими, но твердыми шагами приходит в гостиную, чуть звеня шпорами и, наконец, появляется в дверях ярко освещенной столовой, характерным жестом потирая руки, раскланивается и по приглашению мамы или папы усаживается за большой стол на половину взрослых. Моментально, не прерывая разговора, он бросает нежный взгляд в мою сторону, взгляд фальстафа-соблазнителя, по выражению Люли. На мольеровского Фальстафа он характером, пожалуй, похож и на вкрадчивую лисицу немного тоже, но разве все это меняет дело, он все равно остается интересным собеседником и незаурядным человеком. Что поделаешь, но его внимание взрослого человека мне льстит.

Вчера мы с Кошеком задержались в гостиной и долго говорили о литературе и поэзии, я ему декламировала Верлена, а он мне Врхлицкого. Люля твердо уверена, что я как неопытная девочка обязательно потеряю голову, но этого, пожалуй, не случится, я настороже и великолепно разбираюсь, что такое флирт и что настоящее чувство. И это новое увлечение не целиком захватывает мой внутренний мир, который насыщен до краев самыми разнообразными впечатлениями.

НАШИ ГОСТИ

Пятичасовому чаю у нас гости, муж и жена Гамрикелли. Он чиновник особых поручений при губернаторе, человек уже немолодой, грузин, с темными кругами и припухлостями вокруг глаз. Она, его жена Наталья Иллиодоровна, очаровательна: высокая блондинка на стройных длинных ногах, черты ее лица, если рассмотреть их строго, даже неправильны, но гармоничны и озарены игрой молодости, одухотворены внутренней жизнью и освещены прелестной, ослепительной улыбкой. Она в розовом креповом платье, которое, к слову сказать, она сама себе сшила. У ворота украшено букетиком фиалок.

Я хочу умереть молодой,
Золотой закатиться звездой —

мелодекламирует Наталья Иллиодоровна, аккомпанируя себе на пианино. Но мне кажется, что умирать ей совсем не хочется и закатываться звездой также — и что это только кокетство, и звезда ее горит в полном блеске… и своим сиянием оза-

Солдаты Чехословацкого полка после боев вошли в Омск 8 июня 1918 года. На путях Омского вокзала в вагонах тогда жили многие официальные лица, например, представители британской военно-морской миссии. Здесь возник и чешский городок: дома заменяли железнодорожные теплушки.

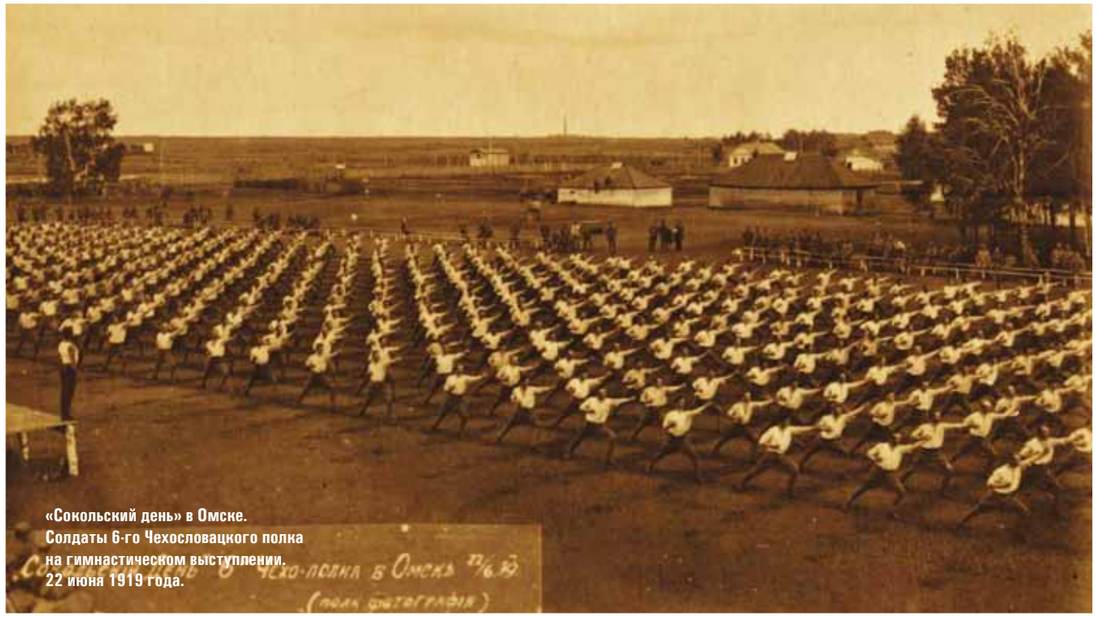
ряет весь ее окружающий мир. В орбиту сияния попал и наш Володя, который от нее что-то не отходит, не обращая внимания на ревнивого восточного типа супруга. Среди молодежи и Стива Горуце, он поет задушевный романс «Когда я на почте служил ямщиком», вкладывая в пение много чувства и надломленной души. Стива — ротмистр гусарского полка. У него бледное лицо, выразительные брови; судя по его лоску, можно подумать, что он пустой и поверхностный человек, но чем больше к нему приглядываешься, тем больше убеждаешься, что это не так. Однажды мы подсмеялись над ним с Люлей, что он, конечно, замечает только хорошеньких женщин, а на дурнушек даже и не смотрит. «О нет, — запротестовал Стива, — вы очень ошибаетесь. С только хорошенькими бывает и скучно, а затем, если женщина просто хороший человек, но не красива, разве это может умалить ее достоинства? А потом мой принцип — относиться к человеку бережно и никогда его не обижать»… Если бы побольше было людей типа Стивы, то и обиженных было бы меньше.

Родители ушли в свои комнаты, а мы расположились группами и затеяли игру в почту, Стива на ковре, скрестив ноги по-турецки, Боба Скороходов все время с Лялей. Кошек время от времени бросает в мою сторону значительный взгляд своих ласковых серых глаз. Володя около Натальи Иллиодоровны, и только «муж» не принимает участия, наблюдает и, по-видимому, ревнует — воображаю, какая семейная сцена с упреками у них разыграется дома. Майор мне пишет: «М-лле, я любуюсь Вами, сегодня вечером я напишу Вам стихи». И Стива, в свою очередь, пишет: «Мне бы хотелось быть сегодня на Вашем балконе и в Вашем обществе и долго с Вами говорить…» «Как жаль, но сегодня я занята, — отвечаю я Стиве. — Мне крайне необходимо поговорить с Люлей»… Да, нам нужно поговорить о мистере Ву (Сереже), которого последнее время мы что-то редко видим. Люля какая-то не та.

КУРОРТ КАРАЧИ

На днях мы едем в Карачи. Карачи — это лечебно-грязевой курорт, находится он на Сибирской магистрали, в нескольких часах езды от Омска. Название этот курорт имеет не даром: придешь, мол, или приползешь на карачках калекой, а искупаешься и уйдешь здоровым. В соленом озере, даже при большом желании, утонуть невозможно, раствор соли в воде так крепок, что удержит тело на поверхности, — даже не умеющий плавать удержится на воде сколько угодно времени. Купанье в таком озере укрепляет здоровье, особенно нервы. Плывем мы поперек широкого озера, Люля впереди, мы с Лялей сзади. Если утомишься плыть, можно перевернуться на спину, вода удержит, можно созерцать голубое небо, чаек, облака, легкий ветерок обдувает и освежает лицо. А вот уже и берег близко… В некоторых местах лечебная грязь, а в других чистый песок, на котором так приятно отдохнуть. Как легко мы побили рекорд на долготу, мы плавуны-спортсменки.

Живем мы в уютной дачке, недалеко от озера. Обеды нам приносят из ресторана, а ужинаем в курзале, окруженном парком. Напротив нас живет вдова генерала Андреева с большим семейством. Это дама-командир. Говорят, что когда-то она своего мужа держала в ежовых рукавицах, теперь всю свою власть она перенесла на своих сыновей, которых у нее семеро, офицеры и кадеты. Мать свою командиршу они и любят, и боятся. На днях эта полная дама, запыхавшись, взобралась к нам по ступенькам на террасу, с трудом переводя дух, и говорит: «Представьте себе, мой-то Андрей приехал с фронта, не успел с матерью поздороваться и удрал, жду его, жду, уже два часа пробило, является… я к нему: ты где же, голубчик, пропадал, где, провеса, шлялся? А он мне в ответ так ручкой шаловливо и нараспев — это мне-то, матери: „Ты не спрашивай, не выпытывай“. Смотрю: батюшки мои — навеселе… сегодня уж не погуляет, пусть проспится, вот он ключ, у меня в кармане». Мы смеемся, ведь Андрей — отважный офицер, георгиевский кавалер, а вот мать-командиршу должен слушаться и ей подчиняться. С такой соседкой нам не скучно. С раннего утра она бежит с корзиной на базар, печет и жарит, любит от души посмеяться, но с сыновьями



«Сокольский день» в Омске. Солдаты 6-го Чехословацкого полка на гимнастическом выступлении. 22 июня 1919 года.

строга, и когда умолкает ее простодушный смех, от которого колышется все ее тучное тело, — сыновья становятся послушными своему начальству, которое они и любят и которого побаиваются.

Лева Апехтин, красавец, студент-юрист, на котором безупречно сидит его летний светло-серый костюм, рано утром, когда еще не взошло солнце, подходит к нашему окну, плотно закрытому ставней, и тихо нас зовет: «Ольга Николаевна, Таня, просыпайтесь, пора!» Так крепко спится, что совсем позабыли, что накануне вечером мы условились идти встречать солнце и нарвать цветов. «Сейчас, сейчас, мы выйдем», — тихо отвечает Ляля, чтобы не разбудить маму, спящую в соседней комнате. Ляля готова первая, а я по привычке вожусь. Наконец, и я готова. Бежим от дома по дорожке среди поля красных маков. Сейчас взойдет солнце, туман рассеется, проснутся птицы на деревьях, то там на ветке чирикнет, то дальние отзовутся сначала неохотно, сонно, как будто и им спалось сладко и не хочется еще пробуждаться, хлопотать и громко петь, приветствуя восход.

Лева смотрит на мой зеленый свитер на фоне макового поля и — должно быть, я ему напоминаю какую-то птицу — говорит: «Ну, попочка, ну, совсем попочка!» Мне бы хотелось сказать ему в ответ «дурак», но я воздерживаюсь и только Ляле говорю это шепотом… Она смеется, нам весело вот так вот спозаранку идти на прогулку, нам обеим нравится эта «вылазка». Вот и яркое солнце поднялось красным шаром и посылает на землю свои теплые лучи, обещая жаркий летний день. Теперь бежим к роще пить сливки. Павильон-молочная уже открыт, сливки холодные прямо со льда, калачи же свежеиспечены и еще теплые. Однако пора нам возвращаться домой, а то мама иначе проснется и начнет беспокоиться, где мы. «Итак, сегодня вечером увидимся в курзале!»

Вечером в курзале летний бал, Ляля продает крюшон в нарядном киоске. С одной стороны у нее Лева Анехтин, с другой полковник Ржевский из польского легиона. Мы с Люлей продаем цветы — но только короткое время, заменяя временно каких-то дам. Веселее кружиться в вальсе под звуки оркестра. «Раз, два, три… раз, два, три», — в такт музыки приговаривает мой партнер, студент Алексинский. «Ну, Вы замечательно вальсируете… Смотрите, сейчас начнется фейерверк. Пойдемте в сад посмотреть». Ракеты рвутся в небеса и пестрыми шариками падают в озеро или же растворяются в темном небе.

Пахнет цветами, с озера веет прохладой. Сережа Алексинский меня держит под руку и говорит о счастье, которое он ощущает будто бы вот в настоящий момент, его бледное лицо совсем близко ко мне наклоняется… В это время среди деревьев я вижу силуэт Люли, она меня ищет, намерено или случайно нарушая наш tete á tete.

В Карачи приехал Боба. У них с Лялей что-то оборвалось, и это чувствуется всеми окружающими. Возвращаясь с купанья на дачу, останавливаюсь и прислушиваюсь к знакомым голосам. Подслушивать нехорошо, но не слышать почти невозможно. Ляля сидит на пеньке, Боба в траве у ее ног. «Ляля, ты как будто не рада моему приезду, а я так рвался тебя увидеть». «Боба, я тебя не понимаю, ты сам прекрасно знаешь, что твое место не здесь, не с ними». «Но, Лялик, если бы верить в победу, дело было бы другое. Освободим один город, одну деревню — через некоторое время или внутри восстание, или нападение с тыла, ведь не перестреляешь же весь народ, который поднялся против всего старого, созрел, и его не задержишь!» «Но что же делать, Боба? Нельзя же сидеть в тылу сложа руки и созерцать спокойно, как гибнет вся страна. Личной жизнью сейчас заниматься не время». «А вот мой взгляд таков: не оружием нужно действовать, а скорее пропагандой, и министерство совершенно правильно делает, что посылает культурно-просветительные экспедиции в глушь, в деревни к крестьянам и киргизам. Я убежден, что книга и граммофон сделают больше и больше принесут пользы, чем револьвер и винтовка». Я дальше не слушаю и продолжаю свой путь, не хочу им мешать до чего-нибудь договориться. ■

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

АНАСТАСИЯ КОПРШИВОВА

ПРАЖСКИЕ ВОДОНАПОРНЫЕ БАШНИ

Шитковская водонапорная башня.
Masarykovo nábřeží, Praha 1 — Staré Město.

Вода — залог жизни, люди понимали это испокон веков. Первые следы человеческой деятельности археологи всегда искали на берегах рек и озер, у потоков и источников. Из-за доступа к воде начинались соседские ссоры и войны. Чем больше людей живет на нашей планете, тем чаще возникает тема охраны воды и ее правильного и экономного использования. Давно миновали времена, когда вода была для всех даром или почти даром — теперь мы все с удивлением разглядываем счета за воду. И, может быть, через пару десятков лет вода станет гораздо дороже.

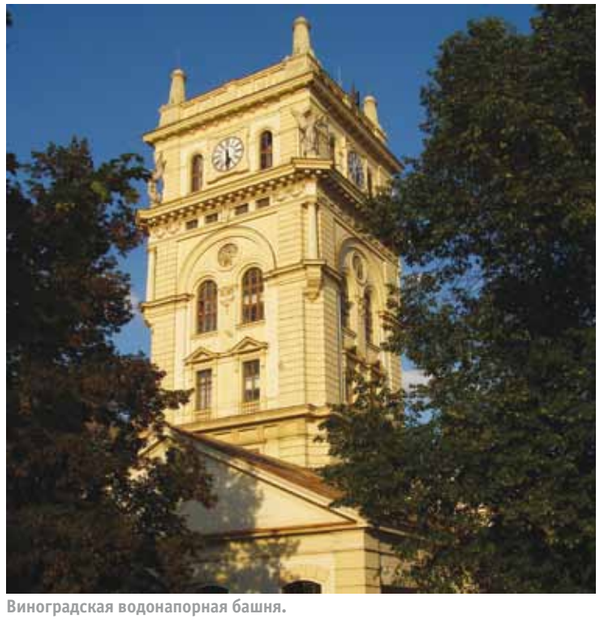
Посмотрим, как с вопросом обеспечения своих жителей водой справлялась Прага.

Самое большое значение для развития города всегда имела вода реки Влтавы. Но кроме влтавской воды на территории города было множество потоков, источников и колодцев. В современности большинство их исчезло под асфальтом дорог, мостовыми, тротуарами и застройкой домов. Из сотни потоков и источников существует не больше двадцати.

Вопрос снабжения Праги чистой водой возник в XVIII веке, когда сравнительно небольшой провинциальный город начал быстро развиваться. Выросло число жителей и разных мануфактур, которые требовали большого количества воды. Когда в средневековье брали воду из Влтавы, появились первые водонапорные башни. Их строили на берегу реки, при мельницах. Это были деревянные вышки, и воду качало мельничное колесо. Из этих простых водонапорных башен вода текла в городские фонтаны, откуда ее ведрами разносили по домам. Эти башни страдали во время наводнений, когда вода срывала их с берегов, и во время частых пожаров, которые бушевали в деревянных строениях.

Потомками первоначальных водонапорных башен являются вышки, которые поныне стоят на берегах реки. Но они уже не деревянные, а каменные. О некоторых из них мы уже говорили, например, о башне у Карлова моста. Башня такого же происхождения стоит на южном конце Славянского острова, третья — на противоположном берегу, на Смиховской стороне. В течение столетий эти башни меняли свой облик. Деревянные конструкции заменяла солидная каменная постройка. Но эти башни имели и своих противников — все эти строения сильно пострадали во время шведской осады города и восстания 1848 года: любая вышка была и остается любимой целью артиллерии. Сегодня эти башни уже перестали служить своей первоначальной задаче. Они красочно вписываются в облик города, и мы на наших прогулках не замечаем их. Надо добавить, что башня на Славянском острове, т. н. Шитковская башня, в 1970—80-х годах использовалась сотрудниками госбезопасности — отсюда они вели тайное наблюдение за угловым домом на набережной, где тогда жил будущий президент Вацлав Гавел, фотографировали всех, кто заходил и выходил (дом, где жил В. Гавел в наши дни уже не угловой — перед ним был построен так называемый «Танцующий дом»).

В конце XVIII века Праге перестало хватать влтавской воды и надо было искать новые источники. В XIX веке сильно разрослись окраины города, которые мечтали о самостоятельном развитии, независимо от городского центра. Таким прогрессивным и быстро развивающимся районом с 1880 года стали Краловске



Виноградская водонапорная башня.
Korunní 66, Praha 10 — Vinohrady.

Водонапорная башня на Летне.
Na výšinách 1000, Praha 7 — Holešovice.

Михельская водонапорная башня (Zelená liška).
Hanusova 5, Praha 4 — Michle.

Виноградские. Естественно, их тяга к независимости не очень нравилась представителям города Праги. С момента, когда Виноградские решили стать независимыми, пражский центр прекратил подачу воды новым районам. Они предполагали, что под таким сильным давлением виноградские лидеры образумятся и вернутся под крыло пражского Нового Города. К их удивлению, те не испугались: они построили огромные бассейны и начали возить туда воду из Влтавы, а также углубили и реконструировали все частные колодцы на территории Виноград. А кроме того, начали строить в 1881 году на самом высоком месте своего района нарядную водонапорную башню в стиле итальянского Возрождения. И уже под Рождество 1882 года эта башня начала действовать. В современности она уже потеряла свое первоначальное значение, в ней находятся квартиры.

Либеньская водонапорная башня на перекрестке улиц Davídkova и Na Slovance, Praha 8 — Libeň.

Водонапорная башня в таком же стиле была построена в квартале Летна, она обслуживала водой Летну, Голешовице и Бубенеч. Эта башня еще пышнее Виноградской. На самом верхнем этаже обзорная площадка с аркадами, а нижние этажи в современности служат жителям города. К сожалению, эта башня перестала быть частью водонапорной системы уже в 1913 году. Внутренние помещения были перестроены в квартиры, где жили работники Пражского водопроводного хозяйства. С 1978 года башня служила детям и молодежи, т.к. стала районным Дворцом пионеров. Сегодня там работает ряд молодежных кружков и клубов.

Водонапорные башни на Виноградах и Летне — прекрасные архитектурные объекты в стиле итальянского Возрождения. Но в Праге существует еще одна интересная башня, построенная на 20 лет позже, когда вкус и приемы архитекторов радикально изменились. Она находится на границе районов Панкрац и Михле, ее можно увидеть с автобана на выезде из города в южном направлении. Автором проекта является известный архитектор Ян Котера. Его башня создана в стиле модерн, без пышных украшений, но с рядом интересных декоративных деталей. Башня построена из высококачественного твердого кирпича, и красный цвет подчеркивает декоративная отделка кафелем с цветной глазурью. К сожалению, подходы к башне поросли дикими зарослями, и подобраться к ней довольно сложно.

Водонапорные башни потеряли в современности свой смысл, т.к. воду из Влтавы дополняет вода из водохранилища Желивка и глубинных артезианских колодцев в Каране. Единственная башня, которая служит до сегодняшнего дня, — современная постройка. Вряд ли кто-нибудь из вас пойдет ее искать, но любой может увидеть ее на горизонте, над обрывом над Смиховским вокзалом, в месте, называемом Дивчи Грады. Ее силуэт очень простой, но надо заметить, что ее автором является архитектор Карел Губачек, который построил известную телебашню на горе Йештед над городом Либерец. Это не настоящая водонапорная башня, задача ее оборудования — регулирование внутреннего давления в водопроводных трубах. ■

ČESKÉ
DOTEKY HUDBY
mezinárodní hudební festival
international music festival

МАРИНА ДОБУШЕВА

ЧЕШСКОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ МУЗЫКИ

16-Й ФЕСТИВАЛЬ

Международный музыкальный фестиваль České doteky hudby («Чешское прикосновение музыки») является членом Ассоциации музыкальных фестивалей ЧР. Благодаря своему диапазону, это мероприятие стало крупнейшим зимним Пражским фестивалем классической музыки, который традиционно проводится в декабре—январе. Это седьмой по величине профессиональный музыкальный форум Чешской Республики, он относится к приоритетным культурным программам Министерства культуры ЧР.

Фестиваль включает в себя большой диапазон жанров — симфонические и камерные выступления, различные тематические серии концертов, а также многопрофильные проекты в области литературы, кино, живописи и архитектуры. Важной особенностью мероприятия является то, что концерты проходят в исторических залах, что является составной частью презентации Праги как культурной столицы Европы: это Муниципальный Дом, Рудольфинум, Испанский зал и Рудольф-галерея Пражского Града, Лихтенштейнский Дворец, Клементинум, Страговский монастырь, Национальный музей, церковь святого Николая, Клам-Галласов дворец и другие площадки. Большой упор делается на презентации молодого поколения исполнителей и композиторов в возрасте до 35 лет, наряду с известными музыкантами и оркестрами. Организаторы видят свою задачу в популяризации музыки XX столетия и традиционной старинной музыки. Каждый год фестиваль представляет чешскую или мировую премьеру.

Председателем драматургического совета является бывший министр культуры профессор Вацлав Риделбаух (Václav Riedlbauch), почетным президентом — скрипач-виртуоз Вацлав Гудечек (Václav Hudeček). Это единственный чешский фестиваль, который имеет свой камерный оркестр, названный České doteky — «Чешское прикосновение».

В этом году традиционный музыкальный фестиваль České doteky hudby отметит свое 16-летие и пройдет под защитой Президента Чешской Республики Милоша Земана, председателя Сената Милана Штеха, мэра столицы Томаша Гудечка.

Концерты состоятся на Адвент, Рождество, Новый год и чешский праздник Трех королей. Особенностью этого года будут концерты на православное Рождество, участие русских музыкантов и исполнение русского репертуара. Общество «Русская традиция» в этом году впервые будет сотрудничать с фестивалем и в следующих номерах «Русского слова» будут разыгрываться билеты на концерты для постоянных подписчиков, авторов и читателей журнала.

В ПРОГРАММЕ ФЕСТИВАЛЯ

16.12.2014, вторник, 19:00
Пражский Град — Испанский зал
КОНЦЕРТ ИЗ ЦИКЛА «МУЗЫКА ПРАЖСКОГО ГРАДА», ПОСВЯЩЕННЫЙ ГОДУ ЧЕШСКОЙ МУЗЫКИ
Филармония Богуслава Мартину
Победитель конкурса скрипачей Королевы Елизаветы II
Андрей Баранов (Россия)
Дирижер: Леош Сваровски
Исполняются произведения Бедржиха Сметаны,
Йозефа Сука, Богуслава Мартину
Цена билетов: от 700 крон до 2 300 крон

19.12.2014, пятница, 19:00
Новая ратуша
МАРИСА БЛАНЕС & КВАРТЕТ ГЕРОЛЬДА
Мариса Бланес — фортепиано (Испания)
Квартет Герольда:
Петр Здвихал — первая скрипка
Ян Валта — вторая скрипка
Карел Унтермюллер — альт
Давид Гавелик — виолончель
Исполняются произведения Франца Шуберта,
Бедржиха Сметаны, Иоганнеса Брамса
Цена билетов: от 350 крон до 900 крон

26.12.2014, пятница, 19:00
Муниципальный дом — Зал Б. Сметаны
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ КОНЦЕРТ — BAROCCO SEMPRE GIOVANE & ГОСТИ
Штефан Кос — фортепиано
Маркета Матлова — сопрано
Йитка Хоспрова — виолончель
Ива Крамперова — скрипка
Эдита Кеглерова — клавесин
Исполняются произведения Антонио Вивальди,
Йозефа Гайдна, Иоганна Себастьяна Баха, Якуба Яна Рыбы,
Вольфганга Амадея Моцарта, Арканджело Корелли
Цена билетов: от 500 крон до 1 700 крон

28.12.2014, воскресенье, 19:00
Муниципальный дом — Зал Б. Сметаны
«ВОЗВРАЩЕНИЯ К ИСТОКАМ» ВАСИЛИЙ ПРИМАКОВ
Северочешская филармония (Теплице)
Гудни А. Эмилсон — дирижер (Германия/ Исландия)
Василий Примаков — фортепиано (Россия)
Исполняются произведения Леоша Яначека,
Антонина Дворжака, Бедржиха Сметаны
Цена билетов: от 500 крон до 1 700 крон

2.1.2015, пятница, 19:00
Муниципальный дом — Зал Б. Сметаны
КВАРТЕТ ИМЕНИ БОРОДИНА — ВПЕРВЫЕ В ЧР
Квартет имени Бородина (Россия):
Рубен Агаронян — первая скрипка
Сергей Ломовский — вторая скрипка
Игорь Найдин — альт
Владимир Бальшин — виолончель
Клауди Ариман — флейта (Испания)
Исполняются произведения Луиджи Боккерини,
Александра Бородина, Вольфганга Амадея Моцарта,
Петра Чайковского
Цена билетов: от 500 крон до 1 700 крон

6.1.2015, вторник, 19:00
Муниципальный дом — Зал Б. Сметаны
РУССКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ДРАГОЦЕННОСТИ: ДРУЖБА ДВОРЖАК — ЧАЙКОВСКИЙ
«Чешское прикосновение» — фестивальный оркестр
Исполняются произведения Антонина Дворжака,
Дмитрия Шостаковича, Петра Чайковского
Цена билетов: от 500 крон до 1 700 крон

ТАТЬЯНА КАЗАКОВА
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ

ЧЕШСКИЙ РАЙ

Очередное путешествие с «Русской традицией» состоялось в первую неделю сентября. В этот раз мы посетили заповедник на северо-востоке Чехии — первый чешский геопарк ЮНЕСКО — Чешский Рай. Его столицей традиционно считается город Турнов, где нас встретил необычный проводник — скульптор Йиржи Чигал. Он потомственный в трех поколениях скульптор, автор многих известных копий средневековых памятников, среди которых «Видение св. Луитгарды» М. Брауна, считающееся самой красивой скульптурной группой из установленных на Карловом мосту. В северо-восточном крае Йиржи много лет занимается реставрационными работами, поэтому его маршрут был не только пешеходной прогулкой по тропам заповедника Чешский Рай, но и знакомством с памятниками как на природе, так и в замках, которые мы посетили.

Природа Чешского Рая — это скалы из песчаника, лежащие между городами Йичин и Железный Брод, они причудливо «обработаны» природными силами. Высокие, иногда доходящие до 60 метров образования имеют невероятные формы, гладкие и плавные поверхности. Часто в каменном парке можно встретить и руку художника — профиль, фигуры Адама и Евы, древние надписи.

Скальный замок Груба Скала (Hrubá Skála) стоит на вершине горного массива. К нему лежит узкая тропа в горном разломе — жутковато, дух захватывает, но романтикам в самый раз. Поднимаешься наверх — и открывается великолепная панорама. Тут есть действующий костел, дом ксендза, кузнечная мастерская, а в самом здании замка сейчас находится гостиница. По тропинке спустились к Седьмигоркам, в расщелье скульптура XVIII века св. Прокопа, а дальше — Драконьи скалы, пещера Адамово ложе. В замке Вальдштейн посмотрели скульптуры Брауна, одну из них — копию св. Маркеты — делал для парка Йиржи Чигал.

Йиржи Чигал показал нам и мастерскую, где он в течение трех лет тесал копию скульптуры св. Луитгарды. Это оказался дом скульптора Йиржи Новака, где нас приняла его вдова Виктории Кароушкова. В этом доме Виктории сделала уникальную экспозицию работ своего супруга, которая произвела на нас большое впечатление своим новаторством и современной гармонией. Гостеприимство хозяйки и чай после многокилометровой прогулки были неотъемлемой частью прекрасных впечатлений от путешествия.

Издание русской диаспоры в ЧР

РУССКОЕ СЛОВО

9(99)/2014
Общественно-публицистический иллюстрированный журнал
Издается с 2003 года

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Vocelova 603/3, 120 00 Praha 2
e-mail: ruslo@ruslo.cz
тел.: +420 221 419 830, fax: +420 266 053 149
Facebook — ruslocz
www.ruslo.cz

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Марина ДОБУШЕВА
КОРРЕКТОРЫ: Виктория РУЧКИНА
ДИЗАЙНЕР: Анна ЛЕУТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Татьяна АНИКИНА, главный редактор журнала «Слово нашим детям» (Прага)
Лукаш БАБКА, директор Славянской библиотеки (Прага)
Марина ДОБУШЕВА, главный редактор журнала «Русское слово» (Прага)
Игорь ЗОЛОТАРЕВ, директор издательства «Русская традиция» (Прага)
Алексей КЕЛИН, член Совета правительства ЧР по делам нацменьшинств (Прага)
Александр ЛАЙКО, редактор журнала «Студия» (Берлин)
Анна ЛЕУТА, дизайнер издательства «Русская традиция» (Прага)
Юрий ПРОСКУРЯКОВ, писатель и журналист (Москва)
Анатолий РОЗОВ, общественный деятель (Брно)
Виктория РУЧКИНА, литературный редактор, корректор (Прага)
Юрий ФЕДОРОВ, политолог (Прага)
Сергей ФОКИН, ученый-исследователь (Пиза)

АДМИНИСТРАТОР САЙТА И ДИСТРИБУТОР: Вадим ГРИВАЧ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА:
Общество «Русская традиция»
Vocelova 603/3, 120 00 Praha 2

ДИСТРИБУЦИЯ: Mediaprint & Kapa, CZ Press

ТИПОГРАФИЯ: Tiskarna Libertas a. s., Praha

Издается с финансовой помощью Министерства культуры ЧР

RUSSKOJE SLOVO
Periodikum ruské menšiny v ČR v ruštině.
Časopis je vydáván s finanční podporou Ministerstva kultury ČR

МК ЧР E 13956
ISSN 1214–1771

Copyright: © Ruská tradice, o. s. издание
© авторы: тексты, иллюстрации, фотографии, дизайн
Использования любых материалов только с разрешения редакции

ЦЕНА: 50 крон

ГОДОВАЯ ПОДПИСКА: 500 крон

ОБЛОЖКА: Генерал от инфантерии Ходорович Николай Александрович. 1920-е годы. Частная коллекция А. Е. Шереметьева (Киев).

KULTURUS — это голос актуальной России в центре Европы.
KULTURUS — это независимый источник информации о российской действительности.
KULTURUS — это современная Россия, которую не показывают по телевизору.

II фестиваль актуальной русской культуры

KULTURUS 2014

пройдет в Праге с 27 по 31 октября

Среди участников — Виктор Шендерович, Ольга Романова, Александр Морозов, Сергей Лозница, Владимир Торчинский, Дмитрий Петров, Анатолий Голубовский и др.

Фестиваль пройдет на нескольких площадках Праги.
В Доме национальных меньшинств:

27 октября — показ фильма «Майдан» и дискуссия с режиссером Сергеем Лозницей.
28 октября — фильм Михаила Угарова «Братья Ч». Ведущий Онджей Мразек.
29 октября — встреча с писателем Виктором Шендеровичем.

KULTURUS — это независимая частная инициатива, которую поддерживают радио Свобода, Библиотека Вацлава Гавела, киноакадемия FAMU, Институт изучения тоталитарных режимов, общество «Русская традиция». Директор фестиваля — Антон Литвин.

www.kulturus.cz
a.litvin@orf-agency.ru